

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 117, июнь 2024

НИТИ ПОЛИТИКИ И ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ

Война – «есть продолжение политики, только иными средствами»; политический процесс не останавливается и не трансформируется в нечто совершенно иное, но в него вмешиваются военные средства. «Политические отношения самой войной не прекращаются, не преобразуются в нечто совершенно другое, но по существу продолжают, какую бы форму ни принимали средства, которыми они пользуются, и что главные линии, по которым развиваются и связываются военные события, начертаны политикой, влияющей на войну вплоть до мира».

Этот важнейший тезис Карла фон Клаузевица, изученный и прокомментированный Лениным, не следует упускать из виду, когда речь идёт о вопросах ядерного сдерживания, которые по своей природе легко поддаются спекулятивным рассуждениям.

Брюно Тертрэ в книге «*Rax atomica?*» пишет, что в вопросе ядерного сдерживания сталкиваются «две крупные школы». Первая «делает акцент на управлении рисками через неопределённость, торг с противником и страх перед неконтролируемой эскалацией». Она «предполагает, что сдерживание стабильно, когда обе стороны уверены в своей способности нанести ответный удар, причём эта уверенность важнее баланса сил». Согласно этой концепции, для сдерживания необходимо «относительно небольшое количество ядерного оружия в сочетании с простой стратегией». Ядерное оружие «оказывает значительное влияние на риск обычного нападения», а «защищённый потенциал ответного удара является ключом к стабильности»; «лучшим вариантом» считаются атомные подводные лодки, вооружённые стратегическими ракетами. Заметим, что концепция достаточной обороны или ядерной достаточности лежит в основе

французской доктрины сдерживания, которой со времён Шарля де Голля объясняется наличие *force de frappe*¹. Она же является заявленной ядерной стратегией Пекина на сегодняшний день.

Вторая школа, «более пессимистичная», настаивает, по словам Тертрэ, на «необходимости создания прочного наступательного и оборонительного потенциала» и способности контролировать и доминировать над эскалацией на любом этапе: «она придаёт большое значение балансу сил и рассматривает стабильность как труднодостижимую цель». Территория и ядерные силы «не должны быть уязвимыми», иначе у обеих сторон возникнет соблазн нанести первый удар. Ядерные силы «должны быть рассредоточены или защищены; может потребоваться противоракетная оборона». Заимствуя термины из физики, эта вторая школа выступает за «сильный вариант» MAD, взаимного гарантированного уничтожения, лежащего в основе концепции сдерживания, в то время как первая школа предполагает «слабый вариант».

Отметим, что «сильный вариант» дал теоретическое и идеологическое обоснование гонке ядерных вооружений между Вашингтоном и Москвой, в результате чего была доведена до аномальных цифр ядерная триада – силы сдерживания в виде наземных шахт, самолётов и подводных лодок – и затем в 1980-х годах была принята инициатива по противоракетной обороне СОИ (Стратегическая оборонная инициатива). Здесь также скрывается одна из «дилемм» сдерживания, которая, по мнению Тертрэ, противопоставляет «уязвимость» и «защиту». Сторонники MAD – концепции, связывающей сдерживание с уверенностью во взаимном уничтожении в случае конфликта, – но в её слабом варианте, «считают, что территории должны оставаться уязвимыми и что стремление их защитить, особенно в сочетании с возможностью противостояния ударам, способствует нестабильности». Их критики утверждают, что «ограниченная противоракетная оборона» может отодвинуть порог, после которого у противника возникает соблазн напасть, может «увеличить свободу действий обороняющейся стороны», а лучшая защита поможет также сэкономить ядерные силы, позволяя сократить «объём потенциала, необходимого для обеспечения сдерживания при любых обстоятельствах».

Дилемма «уязвимость или защита», как мы видим, была использована Францией в напряжённой ситуации, возникшей между странами рейнской оси в связи с немецким проектом *ESSI* (*Небесный щит Европы*), ещё до того, как Эмманюэль Макрон в своей речи в Сорбонне предло-

жил создать площадку для обсуждения. Париж не только отверг идею, что у Европы нет предпочтений в выборе промышленных партнёров, но и намекнул, что Берлин, действуя в одиночку, меняет баланс сдерживания в Европе без каких-либо стратегических дебатов.

Таким образом, готовность французского президента согласиться с созданием *воздушного щита* была воспринята как шаг в направлении ядерной стратегии Атлантического альянса. Макрон хотел бы иметь площадку для обсуждения *европейского противоракетного щита*, размещения ракет, способных наносить удары в глубину, сил сдерживания в Европе, состоящих из двух звеньев: французского и британского, – и *совместные ядерные миссии* в рамках НАТО, которые связывают США и Германию, Бельгию, Нидерланды, Италию, а также – в более смутной форме – Турцию. Одна строчка в интервью Макрона *The Economist* намекает на интерес Франции к предложениям о *совместных ядерных мис-*

сиях, которые прозвучали со стороны Польши. Возможно, Париж хочет опередить Вашингтон в Варшаве, преодолеть сдержанность Берлина или получить пешку для переговоров с Москвой, которая, в свою очередь, размещает свои ядерные заряды в Беларуси. Или все три варианта вместе.

Переплетаясь с гонкой вооружений, просматриваются неопределённые моменты *трансформации атлантических отношений*, новые стратегические пропорции между Берлином и Парижем, ракетная гонка в Азии, которая предполагает зеркальный ответ в Европе, будущие переговоры с Россией и Китаем.

Вот они, арканы доктрины сдерживания, в которые вмешиваются главные линии, начертанные политикой.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, май 2024 г.

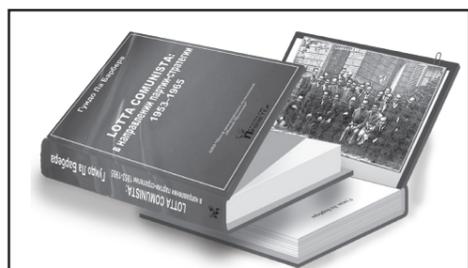
1 – Силы сдерживания (фр.).

Содержание

НИТИ ПОЛИТИКИ И ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ	стр. 1
Берлин и Париж обсуждают европейское сдерживание	стр. 2
Европа сопротивляется протекционизму США	стр. 3
<i>Европейские хроники</i>	
Соглашения и разногласия между Парижем и Берлином	стр. 4
<i>Российские хроники</i>	
Война и борьба за власть	стр. 5
<i>Крупные группы российского империализма</i>	
Подготовка к «вытеснению» «Росатома»	стр. 6
<i>Борьба рабочих в мире</i>	
Забастовки в Бангладеш	стр. 7
<i>Промышленность и фармацевтика</i>	
Прорыв в редактировании генома	стр. 8
Логика Маркса	стр. 9
Создание современного Среднего Востока	стр.10-11
<i>Гиганты Азии</i>	
Новую децентрализацию обсуждает и Шанхай	стр. 12
<i>Сражение в телекоммуникациях</i>	
Новый взлёт Huawei	стр. 13
<i>Европейское Сопротивление</i>	
Норвегия и Дания: внутренние районы Третьего рейха	стр. 14
<i>Страницы истории рабочего движения</i>	
Социал-демократия и Weltpolitik	стр. 15
Молодёжь на потребление	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Атом и индустриализация науки

Два пути к бомбе	стр. I
Канадский уран	стр. II
Британский сдерживающий фактор	стр. III
DuPont: от чулок до атомной бомбы	стр. IV

Guido La Barbera

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Берлин и Париж обсуждают европейское сдерживание

(начало на 1-й стр.)

В работе *“Рах atomica?”* нет недостатка в контраргументах против некоторых эзотерических уклонов в теориях сдерживания. По мнению Брюно Тертрэ, если ядерная стратегия «полезна как инструмент размышления и планирования», то её усовершенствования «часто были чрезмерными», со склонностью к отрыву от реальности: «Поскольку она действует в потенциальной вселенной, не имеющей других исторических образцов кроме предыдущих опытов использования ядерного оружия, часто в условиях крайней секретности, она может легко оторваться от политических, бюджетных или «бюрократических» реалий, под которыми, по нашему мнению, Тертрэ подразумевает административные процессы и процессы принятия решений.

По мнению британца Лоуренса Фридмана, если пионеры ядерной стратегии в 1950–1960-х годах «сохраняли связь с классической стратегией», то большинство их преемников этого не делали: вместо этого они стали «специалистами, чей исходный постулат лежал в экстраординарных характеристиках ядерного оружия, а не в постоянных характеристиках международных отношений». По этой причине, отмечает Тертрэ, теоретики ядерной стратегии «имеют меньшее влияние», чем принято считать.

Далее: «Почти все концепции и термины, составляющие ядерную стратегию, были разработаны в 1950-х, 1960-х и 1970-х годах, в основном в США. В этом смысле ядерная стратегия – не считая того, что её практическая польза остаётся под вопросом – это мёртвый язык. Тем не менее, он остаётся таким же полезным, как латынь».

В книге *“Рах atomica?”* на примере ряда крупных кризисов и инцидентов, начиная с Корейской войны 1950–1953 годов и заканчивая оккупацией Крыма в 2014 году, рассматриваются ядерные аспекты противостояния и делается вывод, что вариант с применением бомбы никогда не был реальным. Использование же ядерной угрозы, напротив, постоянно имело место, то есть можно сказать, что регулярным было политическое использование сдерживания.

Здесь нас больше всего интересует российско-украинский конфликт. В 2014 году, после аннексии Крыма, Россия отправила «три типа ядерных посланий». Москва стремилась обозначить, что после аннексии Крым является полностью российской территорией, а значит, она может размещать там ядерное оружие, как и на любой другой части своей территории; Путин заявил, что в случае необходимости приведёт ядерные силы в боевую готовность.

Москва косвенно предупредила Вашингтон, что попытка вернуть Крым будет расценена как нападение на Россию, которая оставляет за собой право на ответные действия, вплоть до применения ядерной силы; США «должны были осознать, что они сами окажутся под угрозой».

Наконец, в целях запугивания европейское воздушное и морское пространство нарушили подразделения, обладающие ядерным потенциалом; бомбардировщики Ту-22 были временно размещены в Крыму, а ракеты «Искандер» – в Калининграде. «Хотя кризис и развивался в тени российского ядерного потенциала», – заключает Тертрэ, – нет

никаких признаков того, что Москва действительно рассматривала возможность переступить порог применения ядерного оружия.

Аналогичный сценарий повторился и в новой фазе войны, начавшейся 24 февраля 2022 года; к неоднократным напоминаниям о готовности к применению ядерного оружия Россия добавила размещение ракет в Белоруссии и военные учения с привлечением тактического ядерного оружия.

Возвращение в Европу дискуссии о ядерном сдерживании отражает как возникшую неуверенность в надёжности американских гарантий расширенного сдерживания, так и новые грани российской угрозы, выявленные войной, как в плане необходимости противостоять ей, так и в плане подготовки условий для будущих стратегических переговоров. Эмманюэль Макрон повторил в журнале *The Economist* предложение об открытии стола для обсуждения общей «стратегической концепции» для Европы, включая сюда не только ЕС, но также Великобританию и Норвегию, и это может быть реализовано в рамках ЕПС, Европейского политического сообщества.

Рассуждения Макрона берут свою точку отсчёта задолго до эскалации войны на Украине, начиная с односторонней денонсации Соединёнными Штатами в 2019 году договора РСМД о ракетах средней дальности, аргументированной обвинением России в нарушении этого договора: «Перед нами есть риски, связанные с российскими ракетами. Есть ядерный риск со стороны России. Есть риск баллистических ракет, которые могут поразить часть нашего континента, и, возможно, риск распространения опасности также со стороны Ирана и других стран. У нас есть риски в Средиземноморье». Признав и суммировав эти риски, которые влияют на Европу в целом, остаётся только определить «стратегическую концепцию» для противодействия им, в отношении России и не только: «Хотим ли мы иметь эквивалентный потенциал? Хотим ли мы иметь оборонительный потенциал? Хотим ли мы иметь эквивалентные наступательные возможности, которые позволят нам защищаться, оставаясь в определённом пространстве небаллистических и ядерных вооружений? Хотим ли мы также иметь потенциал сдерживания, говоря сегодня в первую очередь о двух странах, у которых он есть, а именно о Великобритании и Франции? И затем, когда мы утвердим эту концепцию безопасности, которую ещё предстоит обсудить, согласовать и определить, что мы будем делать с системами обороны класса “земля – воздух”? Они полезны для борьбы с какими ракетами? В рамках каких возможностей и с какой целью? Какой пусковой потенциал средней и большой дальности нам нужен? У нас есть лучшая промышленность для этого: какую европейскую программу мы будем запускать? А потом, как мы хотим использовать, не теряя суверенитета, ту ядерную часть, которая принадлежит нам?». По мнению Макрона, это будут «экзистенциальные» дебаты, которые каждое государство должно будет вести с позиций собственного суверенитета, «но также соглашаясь объединить эти суверенитеты, чтобы обеспечить общий ответ в континентальном масштабе»; они также должны будут касаться «отношений

«солидарности», таких как те, которые уже существуют в рамках статьи 5 Атлантического альянса или 42.7 Договора о Европейском союзе.

Сделаем четыре наблюдения. Во-первых, тезисы о «неядерном» ракетном потенциале и возможности нанесения высокоточных ударов в глубину отсылают к японскому плану перевооружения, где уже начато размещение 1000–1500 крылатых ракет в качестве «контратакующих сил», первоначально обеспеченных американскими поставками, а затем и автономным японским производством. К этому следует добавить развёртывание других средств, которое Вашингтон осуществляет или планирует на Филиппинах и в рамках многочисленных двусторонних союзов, созданных в Индо-Тихоокеанском регионе. В Азии началась ракетная гонка; противостояние, разворачивающееся в Европе, связано с ней и является её зеркальным отражением; можно ожидать, что эти два процесса будут идти в некотором роде параллельно: азиатские ракеты на Востоке и возвращение вопроса о евроракетах на Западе.

Во-вторых, в первый раз Макрон обратился к вопросу о стратегической концепции, связывающей промышленную базу европейского военного суверенитета, воздушный щит, обычные высокоточные ракеты и ядерное сдерживание, на форуме *Globsec* в Братиславе в мае 2023 года, в контексте пересмотра политики Франции в отношении Восточной Европы и заявления о перспективе «европейского полюса» в НАТО. Неотъемлемой частью этих предложений для французского президента была необходимость «европейского голоса» в переговорах о ракетах и ядерном оружии, то есть он подразумевал, что на этой укрепленной стратегической основе можно будет вести дела с Москвой. В этом смысле Макрон сегодня примеряет роль Гельмута Шмидта конца 1970-х – начала 1980-х годов, когда канцлер Германии в качестве ответа на российские РСД-10 выступал как за установку евро ракет, так и за переговоры с Москвой по нулевому варианту.

В-третьих, как уже было упомянуто, Макрон, указывая в интервью *The Economist* на «стратегическое пробуждение» Европы, видит признаки этого пробуждения в предложении Германии о создании «европейского противоракетного щита», а также в заявлении Польши, «которая говорит, что готова принять ядерное оружие НАТО». Жан-Доминик Мерше, аналитик журнала *L’Opinion*, основателем которого он является, в своей статье «Готовы ли мы к войне?» предлагает Европе форму «совместного использования ядерного оружия», сравнимую с американской, предоставив ракеты класса “воздух – воздух” с ядерными боеголовками по принципу “двойного ключа” между Францией и принимающей страной. По его мнению, «такие страны, как Польша, могут быть заинтересованы», но неприемлемо было бы требовать за это возвращения Франции в Группу ядерного планирования НАТО. Если бы это предложение оказалось не просто идеей, а результатом зондирования настроений в команде французского президента, мы бы могли говорить о стремлении Парижа задействовать и Варшаву, чтобы добиться прогресса в вопросе европейского сдерживания.

И, наконец, в-четвёртых, каждое французское предложение нужно оценивать в первую очередь с учётом отклика на него в Германии. Здесь следует сказать, что Олаф Шольц принял предложение Макрона, в частности, выступив лично со страниц *The Economist*. Рамки, в которых оперирует немецкий канцлер, демонстративно евроатлантические. НАТО, пишет он, остаётся «главным гарантом мира и безопасности в евроатлантическом регионе», но Европа должна вносить больший вклад в «распределение бремени», независимо от исхода предстоящих президентских выборов в США.

В этом контексте Шольц поддерживает инициативу «диалога о будущей обороне Европы», которая подразумевает «укрепление европейской опоры НАТО» и «укрепление европейской опоры наших сил сдерживания». Гипотеза о «ядерном оружии ЕС» нереальна, как и «суверенитет французского ядерного сдерживания», но то, что Макрон особо отметил «европейское измерение force de frappe», заслуживает одобрения. Затем приводится перечень направлений, которые Париж хотел бы видеть на столе переговоров, хотя и с большим акцентом на перевооружение в области обычных вооружений: «В дополнение к средствам ядерного сдерживания мы рассчитываем на мощные обычные силы, противоздушную и противоракетную оборону, а также киберпространство, космос и потенциал высокоточного удара в глубину».

Судя по взаимным декларациям о намерениях, противостояние за европейское сдерживание началось. Канцлер Германии настаивает на *Zeitenwende* и цели превращения бундесвера в «самую мощную конвенциональную силу в Европе». Среди множества неизвестных величин есть одна беспрецедентная: какая напряжённость возникнет на рейнской оси, когда стратегические пропорции между Парижем и Берлином изменятся?

Эскалация, вызванная возможностью применения Украиной оружия НАТО для ударов по российской территории, в большей мере, нежели доктрина европейского сдерживания, является драматическим испытанием всех соотношений сил.

Lotta comunista, май 2024 г.

**1919–2019. 100 лет
Коммунистическому
интернационалу: 100 миллионов
мировой партии пролетариата**

608 страниц, твёрдый переплёт,
именной указатель,
иллюстрации по тексту.

978-5-6042357-0-6

Цена 450 руб.

Европа сопротивляется протекционизму США

В середине мая Белый дом продлил действие тарифных и нетарифных барьеров, установленных в 2018 году Дональдом Трампом, развязавшим тогда торговую войну против Китая. Джо Байден сделал ещё выше забор, защищающий задний двор, если использовать протекционистскую метафору советника по национальной безопасности Джейка Салливана. Тарифы, введённые Трампом, затронули более 300 миллиардов долларов китайского экспорта в США. По оценкам Института Петерсона, 66 % китайского экспорта были обложены тарифами в размере 19,3 % в среднем. Ответные меры Пекина были сопоставимы по масштабам: 58 % американского импорта были обложены средними тарифами в 21 %.

Протекционистские меры США в отношении Китая и, в некоторой степени, Европы действуют уже шесть лет и пользуются широкой поддержкой в обеих американских партиях, ничуть не ослабляя их взаимной враждебности. Новые майские пошлины затрагивают всего 18 миллиардов китайского экспорта, однако среди них присутствуют наиболее важные статьи, относящиеся к энергетическому и цифровому переходу.

Байден увеличивает пошлины на автомобили в четыре раза – с 25 до 100 процентов, на сталь, алюминий и аккумуляторы – в три раза, с 7,5 до 25, на солнечные батареи и полупроводники – в два раза, с 25 до 50, а также вводит тарифы на критические минералы с нуля до 25 процентов.

Испытания протекционизмом

В преддверии президентских выборов в ноябре Байден играет на протекционистских и популистских инстинктах, высвобожденных трампизмом, которые всё ещё имеют решающее значение для исхода голосования в «колеблющихся штатах». В то же время Байден хочет ограничить китайскую торговлю – особенно после своеобразного европейского турне Си Цзиньпина, который в навязчивой и диалоговой манере посетил Францию, Сербию и Венгрию: Пекин должен быть лишён возможности воспользоваться своим преимуществом на стратегическом поле зелёной экономики и электромобилей. Несмотря на решительность манёвра в целом, не стоит проводить аналогии с законом Смута-Хоули, который в 1930 году, в условиях великого кризиса 1929 года и повсеместной дефляции, запустил цепную реакцию введения пошлин, превративших Атлантику в озеро Великой депрессии. Сегодня тарифы Вашингтона и состояние цикла увеличивают неопределённость, но не имеют такого катастрофического потенциала, как тогда. Среди пошлин на минералы исключение сделано для тех, которые необходимы американской промышленности. Тарифы на солнечные батареи замедлят, но не остановят китайские поставки, которые найдут другие пути ввоза. Реакция министров в Пекине была резкой, но *Global Times* делает скидку на предвыборные мотивы Байдена и преуменьшает значение тарифов на электромобили, которые не будут иметь немедленных последствий для китайской промышленности, учитывая её небольшую долю на американском рынке.

Новые пошлины объясняются разными причинами. США необходимо выиграть время в преддверии климатического перехода, не нанося при этом

слишком большого ущерба американским фракциям, наиболее привязанным к ископаемому топливу, но и не попадая в зависимость от китайской «зелёной» промышленности. Налицо также попытка возродить в условиях напористости и перепроизводства Китая инструменты управляемой торговли, которые Штаты в прошлом использовали против растущих Японии и Южной Кореи, но теперь адаптировав их к размерам китайского колосса. Прежде всего, Вашингтону необходимо вновь подтвердить свою роль ведущей сверхдержавы, подтягивая союзников к своим позициям. Министр финансов Джанет Йеллен во время визита во Франкфурт в очередной раз призвала европейцев последовать американскому примеру и ограничить торговлю Пекина «зелёными» технологиями.

Немецкий либерализм

Однако европейский рынок сильно отличается от американского: немецкий экспорт составляет 39 % ВВП, американский – всего 11 %. На европейский рынок приходится 40 % китайского экспорта электромобилей, и обложение их налогом в американском стиле было бы равносильно торговой войне. По мнению экспертов Rhodium Group, чтобы компенсировать разницу в стоимости между автомобилем китайского и европейского производства, пошлины придётся поднять до 40–50 %; по мнению авторов, Еврокомиссия, которая расследует китайские субсидии, ограничит пошлинами в 15–30 %. Канцлер Германии Олаф Шольц выступил в защиту торговли с Китаем, отметив, что половина электромобилей, экспортируемых азиатским гигантом в Европу, произведена западными компаниями. Президент Бундесбанка Йохим Нагель выступает против антикитайских пошлин, поскольку они приведут к инфляции и спровоцируют ответные меры. По мнению Нагеля, «альтернативой повышению взаимных тарифов могут стать правила и переговоры».

Страх перед «спиралью» протекционизма среди различных представителей немецкой промышленности отмечает газета *Frankfurter Allgemeine*. В статье Патрика Вельтера говорится: «Намеренно или нет, но американские карательные тарифы направлены также против мировой торговой системы». По мнению *Le Figaro*, с точки зрения Европы и, в частности, Франции, лучшим решением было бы привлечь китайские группы в качестве промышленных инвесторов в Европу: это головокружительный переворот, отмечает Бертиль Байарт, по сравнению с тем, что было 20 лет назад, когда европейские производители привозили капитал и технологии в Китай. Такое же впечатление складывается и из недавнего отчёта страховой компании Allianz: между Германией и Китаем происходит эпохальный разворот, их отношения меняются «от взаимодополняемости к замещению», причём некоторые китайские компании продвигаются вверх по цепочке создания стоимости, обгоняя немцев. Возникает вопрос, будет ли высокий барьер, установленный США для китайских автомобилей, способствовать выходу на американский рынок большего количества европейских или азиатских машин, или же это приведёт к усилению давления на европейские рынки за счёт перенаправле-

ния сюда китайских товаров, обложенных пошлинами в США.

Временный тариф Никсона

В послевоенной американской истории тарифов первый важный эпизод связан с шоком Никсона в августе 1971 года, запомнившимся главным образом односторонним отказом Вашингтона от золотой конвертируемости доллара. Валюта США, назначенная в Бреттон-Вудсе мировой валютой, увеличивала американские обязательства несравненно быстрее, чем золотые резервы. Конвертируемость больше не была устойчивой. Но как изменилась бы валютная система после разрыва Бреттон-Вудских соглашений? Потребовалось бы соглашение с ведущими державами о корректировке валютных курсов. Поэтому «шок Никсона» включал принятие общего 10-процентного тарифа на весь импорт – мера, которая потрясла международных партнёров, хотя Ричард Никсон заверил, что это «временное решение». Временная пошлина служила рычагом, чтобы заставить партнёров быстро заключить валютное соглашение.

Историк этого эпизода, экономист Джеффри Гартен, объясняет, почему такое давление на союзников было необходимо. Вашингтон столкнулся с растущей конкуренцией со стороны Германии и Японии и хотел получить более лёгкий курс доллара за счёт бывших врагов, а теперь союзников, которые должны были согласиться на ревальвацию своих валют и открыть свои рынки для американского экспорта. Кроме того, требую понижения курса доллара, США заявляли о завершении эры плана Маршалла и американской щедрости. Никсон просил союзников «нести свою справедливую долю бремени защиты свободы». Соглашение было достигнуто в рамках Группы десяти в декабре 1971 года. Марка была переоценена на 14 %, а иена – на 17 % по отношению к доллару. 10-процентный тариф был немедленно отменён.

В отличие от пошлин Никсона, универсальный тариф в 10 % (60 % для Китая), который обещает ввести Трамп в случае избрания, будет бессрочным. *The Economist* в середине мая робко намекает на гипотезу, приписываемую Роберту Лайтхайзеру, бывшему торговому представителю Трампа с 2017 года: угрожать торговым партнёрам исключением их с рынка США, как Вашингтон это сделал в 1985 году, чтобы добиться соглашения «Плаза» и ослабления доллара. Но сегодня «Плаза» без Китая невысказима.

Фиговый листок или декаплинг?

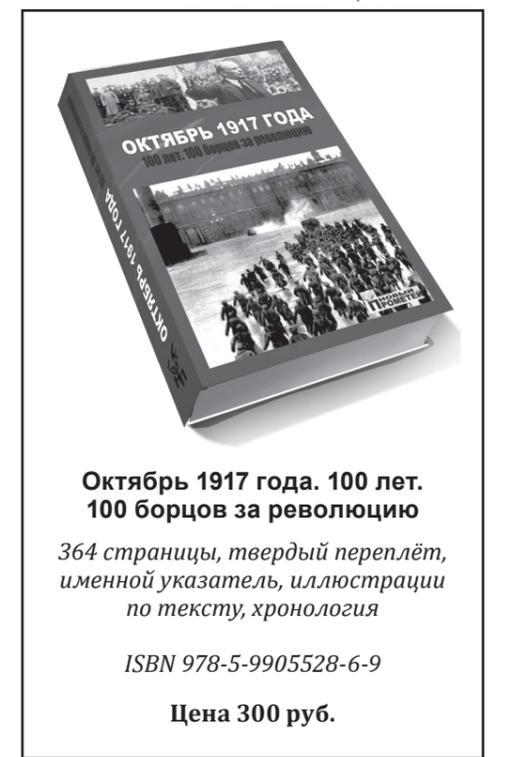
Либеральная пресса атакует тарифы Байдена в традиционном русле полемики в защиту свободной торговли: протекционизм, снижая конкуренцию, ухудшает качество продукции и делает жизнь потребителей дороже. *The Economist* напоминает о результатах управляемой торговли в 1980-х годах, когда Вашингтон ввёл политику квот на импорт японских автомобилей: тем самым он лишил конкуренции автопроизводителей Детройта, которые «теперь могут продавать автомобили более низкого качества по цене в три раза выше». Новые тарифы названы «тупым инструментом», который «нанесёт недооценённый экономический ущерб Америке и всему миру». «Реальный страх перед китайскими электромобилями сегодня заключа-

ется не в том, что они воруют у Америки, а в том, что они оставляют американские автомобили в пыли». Другими словами, правительство опасается, что свободная конкуренция приведёт к триумфу китайской промышленности и «прикроет свои протекционистские цели фиговым листком».

В редакционной статье *Wall Street Journal* Грег Ип приписывает новому тарифному раунду особое значение, которое главный экономический обозреватель газеты, очевидно, почерпнул из интервью с чиновниками и бывшими государственными служащими. По мнению журналиста, решение Байдена о расширении тарифов «сигнализирует о том, что декаплинг экономик Китая и США становится необратимым». С новыми тарифами экономическая стратегия Белого дома в отношении Китая, разработанная Джейком Салливаном, будет завершена. Эту стратегию называют трёхногим табуретом: первая ножка – субсидии на создание современного высокотехнологичного производственного сектора США; вторая – тарифы на китайский импорт; третья – ограничения на доступ Пекина к деньгам, технологиям и ноу-хау. Планировалась и четвёртая нога, пишет Ип: «единый экономический фронт с союзниками», который так и не был реализован. Он должен был начаться с отмены тарифов на сталь и алюминий, введённых Трампом против ЕС, но это оказалось невозможным, поскольку ЕС не захотел координировать свои действия с США против китайской стали. Журналист упоминает ещё один рассматриваемый Белым домом инструмент для полного исключения Китая из автомобильного сектора. Правительство исследует безопасность «подключённых автомобилей», которые передают данные о водителе производителю: «Это может послужить предлогом для США, чтобы заблокировать все китайские электромобили».

По мнению *Wall Street Journal*, мир ожидает «второй китайский шок» от экспорта дешёвой продукции. Китай столкнётся с яростным противодействием Запада, но при этом может рассчитывать на то, что это противодействие единым уже не будет.

Lotta comunista, май 2024 г.

**Октябрь 1917 года. 100 лет.
100 борцов за революцию**

364 страницы, твердый переплёт,
именной указатель, иллюстрации
по тексту, хронология

ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

Европейские хроники

Соглашения и разногласия между Парижем и Берлином

«Всё может пойти под откос гораздо быстрее, чем вы думаете, и привести к гораздо более жестокой смерти, чем вы себе представляете», – так в интервью *The Economist* в начале мая Эмманюэль Макрон подчеркнул острую необходимость «встрянуть» Европу. Он объяснил, что ЕС сталкивается с «тройным экзистенциальным риском»: «Военный риск и риск безопасности; экономический риск и угроза нашему процветанию; экзистенциальный риск внутренней несогласованности и нарушения функционирования наших демократий». Перед лицом этих рисков президент Франции призвал к созданию «новой геополитической, экономической и социальной парадигмы для Европы».

Эти новые парадигмы уже были в центре второй речи Макрона в Сорбонне 25 апреля. В отличие от его первого выступления в 2017 г. в том же университете, которое было встречено молчанием с немецкой стороны, на этот раз Олаф Шольц похвалил «добрые импульсы», поданные президентом Франции. Однако это не означает, что канцлер полностью с ним согласен.

Промышленная политика

В Сорбонне Макрон заявил, что государственная помощь, практикуемая в странах ЕС на национальном уровне, пока недостаточна для «реагирования на чрезмерные субсидии Китая и США». Он надеется на «шок общих инвестиций» и прямо заявляет: «Нам нужны субсидии». Он также счёл «необходимым» установить «европейские предпочтения в стратегических секторах [...] и отступления от свободной конкуренции для поддержки ключевых секторов перехода – искусственного интеллекта и зелёных технологий». В интервью *The Economist* Макрон уточнил, что с помощью «больших европейских денег» и благодаря «гораздо более сильному общему бюджету» должно быть создано больше европейских чемпионов. В этом ключе он также напомнил о недавних выступлениях Энрико Летты и Марио Драги, которые отвечают соответственно за предложения по укреплению общего рынка и европейской конкурентоспособности.

Шольц, со своей стороны, в двух недавних выступлениях изложил свою концепцию «современной политики предложения», согласно которой, государство должно устранить препятствия на пути роста и создать базовые условия, позволяющие создать конкурентоспособную экономику. Таким образом, он не исключает государственного вмешательства с целью поддержки электрического и цифрового переходов, но, по его мнению, приоритетом должны оставаться частные инвестиции. По мнению *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung (FAS)*, «современная политика предложения», модная в кругах различных течений парламентской левой на международном уровне, имеет сходство с социальной рыночной экономикой Людвиг Эрхарда. Эрхард, который был министром экономики при Конраде Аденауэре с 1949-го по 1963 г. и канцлером с 1963-го по 1966 г., считается отцом «экономического чуда» Западной Германии после второй мировой войны.

Сегодня, как и в 1950-е гг., самые большие проблемы немецкой экономики связаны с недостатком предложения,

считает *FAS* (18 мая). Помимо нехватки рабочей силы и жилья, которая существовала и во времена Эрхарда, сегодня существует также нехватка «зелёной» энергетической инфраструктуры и компонентов. Есть много различий между социал-империалистическими идеями социал-демократического канцлера Шольца, который восхваляет профсоюзы за их вклад в политическую и социальную стабильность, и идеями Эрхарда, христианского демократа, который теоретизировал о процветании для всех благодаря экономическому либерализму, который превратил бы дефицит в изобилие. Однако оба они разделяют убеждение, что успех немецкой экономики зависит от доступа к мировым рынкам.

Торговая политика

Описывая 1930-е гг., Эрхард в своей книге 1953 г. «*Deutschlands Rückkehr zum Weltmarkt*» («Возвращение Германии на мировой рынок») писал, что было время, «когда считалось, что [Германия] должна действовать на национальном уровне, националистически закрываясь и замещая импорт дорогим и искусственно защищаемым отечественным производством». Это вызвало «цепную реакцию подобных националистических мер». Поэтому Германии пришлось «увеличивать мировую торговлю, а не сокращать её», и она не могла довольствоваться «регионализмом, каким бы обширным он ни был», поскольку «даже самый маленький и самый удалённый рынок являлся неотъемлемой частью нашей экономической политики». Мы можем увидеть в этих отрывках одну из основ империалистического либеризма, которая позже была выражена в «доктрине Геншера», названной в честь министра иностранных дел при Гельмуте Шмидте, о которой, как мы уже видели, размышлял и Шольц.

«Европа-держава», представленная Макроном в Сорбонне, была бы «державой баланса», отвергающей «двухполярное соперничество». Она «никогда не стала бы вассалом Соединённых Штатов Америки» и будет укреплять свою стратегическую автономию, опираясь на собственную военную промышленность и применяя «европейские предпочтения в закупках военных материалов». Шольц также хочет избежать двухполярного столкновения, но он не только придаёт большее значение отношениям с Соединёнными Штатами, но и, прежде всего, надеется избежать столкновения между двумя блоками благодаря защите многосторонности и расширению торговли с третьими рынками. Для этого необходимы новые торговые соглашения.

В своей вступительной речи на Ганноверской промышленной ярмарке 21 апреля Шольц сказал: «Я считаю совершенно неприемлемым, что некоторые переговоры со странами Латинской Америки и Азии затягиваются на десять или двадцать лет. В глобальной ситуации, когда повсюду возникают новые протекционистские тенденции, все государства-члены [ЕС] должны быть прагматичными». Макрон, заблокировавший подписание соглашения о свободной торговле со странами МЕРКОСУР, напротив, заявил в Сорбонне, что это торговый договор «старого

поколения». «Современные» договоры должны уважать Парижское соглашение по климату и включать в себя «жёсткие положения об условиях производства», в частности, сельскохозяйственной продукции. Президент Франции затем заявил *The Economist*, что в Европе «мы недостаточно защищаем». По словам Макрона, «любезная торговля была целой эпохой в истории человечества, но это уже не та эпоха, которая работает. Сейчас преобладает злая торговля. То есть торговля стоит на втором месте. Геополитика взяла верх над геоэкономикой».

В нашей газете мы уже писали, что «доктрина Меркель», преемственность в отношении которой демонстрирует Шольц, и «доктрина Макрона» слились в формулу «открытой стратегической автономии».

Отсутствующий Шольц

Именно под этим девизом Европейский союз демонстрировал своё единство перед лицом Китая во время визита председателя Си Цзиньпина в Париж в 2019 г. Тогда Си приветствовал не только президент Франции, но также канцлер Германии и председатель Еврокомиссии. Однако двойственности формулы «открытой стратегической автономии» уже недостаточно, чтобы скрыть различия. Когда Си Цзиньпин снова посетил Париж 6 мая, он встретился только с президентом Франции и председателем Еврокомиссии. Канцлер Германии отказался присутствовать на встрече.

Китайские электромобили стали символом разногласий между Парижем и Берлином по вопросу торговли с Драконом. Макрон поддерживает расследование Еврокомиссии по поводу субсидий на электромобили, производимые в Китае, и сожалеет о разногласии среди европейцев, «потому что некоторые игроки всё ещё рассматривают Китай, по сути, как рынок сбыта» (*La Tribune du Dimanche*, 5 мая). Шольц, со своей стороны, вместе с немецкими автопроизводителями выступает против европейских тарифов на автомобили, произведённые в Китае. Во время своей поездки в Пекин в апреле канцлер сравнил опасения по поводу вторжения на европейский рынок китайских автомобилей со старыми опасениями, что японские, а затем и корейские, производители захватят весь рынок. Эти опасения необоснованны, поскольку «теперь в Германии есть японские автомобили, а в Японии – немецкие», и «то же самое касается Китая и Германии» (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 15 апреля).

Неполная централизация

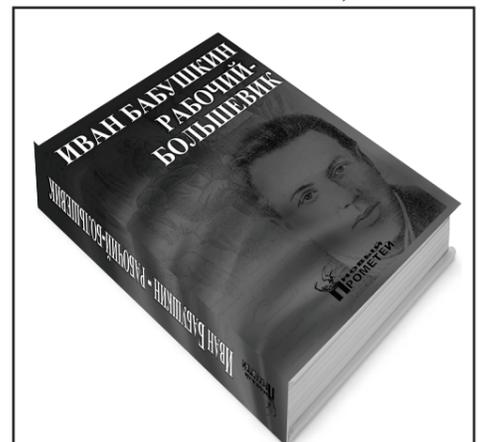
Последствия европейского тура Си Цзиньпина, во время которого он посетил Сербию и Венгрию, продемонстрировали, что отсутствие общей европейской внешней политики оставляет дверь открытой для манёвров других держав. В совместном заявлении Китая и Венгрии Пекин высоко оценил «мирную, открытую и прагматичную внешнюю политику» Будапешта и заявил, что уважает его «независимый выбор следовать по пути развития, а также внутреннюю и внешнюю политику, соответствующую национальным потребностям». Газета *South China*

Morning Post сообщила, что Пекин поощряет Венгрию использовать своё председательство в Европейском совете во второй половине этого года для продвижения «рациональной, дружественной» и «более прагматичной» политики по отношению к Китаю (26 апреля). Китайская *Global Times* добавила, что Венгрия «при необходимости воспользуется правом вето» (13 мая).

Во время своего выступления в Карловом университете (Прага) в 2022 г. Шольц предложил отменить право вето в Европейском совете и заменить его голосованием квалифицированным большинством при принятии внешнеполитических решений. В качестве компенсации он предложил сделать то же самое и в отношении бюджетных решений. В интервью *The Economist* Макрон заявил, что достиг соглашения с Шольцем по этому вопросу. Что касается Польши, которая уже давно усиленно отстаивает своё право вето, то новое правительство премьер-министра Дональда Туска показало себя более открытым. Министр иностранных дел Радослав Сикорский намекнул, что переход к голосованию квалифицированным большинством будет возможен при условии повторного обсуждения «взвешивания голосов». Действительно, при весах, установленных Лиссабонским договором, Франция и Германия очень легко создать «блокирующее меньшинство», тогда как для остальных это «почти невозможно» (*FAZ*, 30 января).

Таким образом, похоже, что в ходе нового мандата Еврокомиссии, который она получит в результате выборов 6–9 июня, будет решаться в том числе и вопрос о продвижении вперёд к большей федерализации внешней и бюджетной политик. Однако эффективность политической централизации ЕС будет измеряться не принятыми им институциональными формализмами, а его способностью действовать в рамках глобального баланса держав.

Lotta comunista, май 2024 г.

ИВАН БАБУШКИН РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Российские хроники

Война и борьба за власть

Вслед за плебисцитом на массовое убийство наступило время утверждения нового состава правительства. Региональные и фракционные интересы российской буржуазии должны будут найти свою централизацию во втором правительстве Михаила Мишустина, если не возобладают частные интересы различных фракций капитала. *Диалектика единства и раскола* – постоянная черта любого классового общества, в том числе и российского.

Если первое правительство Мишустина, назначенное на волне кризиса пандемии столетия, было правительством «для бурных времён», «для второго тайма новой стратегической фазы» («Пролетарский интернационализм» № 67. Март 2020), то второе станет *правительством для кризиса мирового порядка*.

Всем сестрам по серьгам

Мишустин, который уже в прошлом составе достаточно успешно выполнял функцию координатора различных групп интересов, сохранил свой пост. Это позволит ему и дальше укреплять аппаратный вес и формировать собственную команду.

До поста первого вице-премьера, отвечающего за технологическое и промышленное развитие, повышен Денис Мантуров, которого связывают с главой «Ростеха» Сергеем Чемезовым. При этом функционал Мантурова заужен по сравнению с тем, за который отвечал его предшественник Андрей Белоусов. Посты вице-премьеров получили: Дмитрий Патрушев, сын влиятельного представителя корпорации *силовиков* Николая Патрушева, ныне назначенного помощником президента РФ по вопросам кораблестроения; Марат Хуснуллин, который связан как с мэром Москвы Сергеем Собяниным, так и с буржуазией Татарстана, будет курировать «новые территории», то есть аннексированные Россией регионы Украины; Александр Новак, не только выражающий интересы нефтегазового капитала, но и связанный с «Норильским никелем», будет курировать ТЭК, а также часть вопросов, за которые ранее отвечал Белоусов, например, внешнеторговую деятельность и регулирование бизнеса; Юрий Трутнев продолжит заниматься развитием Арктики и Дальнего Востока, сфера ответственности этого политического тяжеловеса не изменилась; Татьяна Голикова, жена председателя коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Николая Христенко, продолжит курировать блок социальных вопросов, к которым теперь отнесены и межнациональные отношения; Виталий Савельев, который связан с братьями Ротенберг, будет курировать Росавтодор и деятельность естественных монополий в сфере транспорта, до прихода в правительство он возглавлял крупнейшую авиакомпанию страны «Аэрофлот», а до этого входил в правление «Газпрома» и АФК «Система»; Дмитрий Чернышенко, до прихода в правительство возглавлявший инвестиционную компанию Volga Group, управляющую активами Геннадия Тимченко, а затем руководивший «Газпром-Медиа Холдингом» и входивший в совет директоров ОАО «Российские железные дороги»; Дмитрий Григоренко и Алексей Оверчук, которые перешли в правительство в 2020 г. вместе со своим шефом в Федеральную налоговую службу Михаилом Мишустиним.

На пост руководителя Счётной палаты назначен Борис Ковальчук – сын ос-

нователя банка «Россия» Юрия Ковальчука. Помощником президента стал Алексей Дюмин. Сохранили свои посты Сергей Кириенко, Кирилл Дмитриев, Максим Орешкин и Антон Вайно.

Слабость российских институтов компенсируется неформальными связями.

Централизующий федерализм

В правительство вошли четыре бывших губернатора: Антон Алиханов (Калининградская область), Сергей Цивилёв (Кемеровская область), Роман Старовойт (Курская область) и Михаил Дегтярёв (Хабаровский край). Кроме того, там остаются экс-губернаторы Максим Решетников (Пермский край) и Александр Козлов (Амурская область).

Речь не идёт о ключевых регионах РФ, поэтому эти назначения не стоит воспринимать как отражение диалектики отношений между федеральным центром и регионами. Скорее следует говорить об отлаженной работе по формированию кадров. За редкими исключениями вроде Чечни губернаторы в российской политической системе являются «варягами», слабо связанными с местными элитами. В надежде на карьеру в Москве они выполняют роль временных наместников Кремля. Впрочем, иногда наместничество затягивается, и «варяг» обростаёт региональными связями.

Особенности российского федерализма уходят корнями в континентальный характер Российской империи.

Плюрализм интересов и связей

Алиханов до губернаторского поста был директором департамента в Минпромторге, затем работал в ЕЭК. Во время пандемии он был одним из лидеров «партии ВВП», которая выступала за скорейшую отмену ковидных ограничений. Его отец – давний приятель Игоря Шувалова, председателя «ВЭБ.РФ», и Михаила Бабича, служившего на руководящих постах в КГБ СССР, а ныне являющегося заместителем директора Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС). Тем самым назначение Алиханова, с одной стороны, говорит об усилении в правительстве веса *промышленной партии* капитала, с другой – указывает на влияние *силовиков*.

Цивилёв до назначения губернатором был владельцем 70 % компании «Колмар», добывающей уголь на месторождениях Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия). Оставшиеся 30 % через Volga Group принадлежат Геннадию Тимченко. Перейдя на государственную службу, Цивилёв передал акции «Колмар» своей жене, двоюродной племяннице президента РФ.

Старовойт, будучи заместителем директора департамента промышленности и инфраструктуры аппарата правительства, окончил университет МВД, а затем побывал руководителем Росавтодора и заместителем министра транспорта, и лишь потом оказался в кресле губернатора. Как и Виталий Савельев, он связан с братьями Ротенберг.

Их политика

Если «гражданские» министры проходят утверждение в Госдуме, то министры силового и внешнеполитического блоков назначаются напрямую президентом. Среди путинских назначенцев лишь одно новое имя – Андрей Белоусов, который заменил на посту министра обороны Сергея Шойгу.

Смена министра обороны во время войны указывает либо на то, что не

всё идёт по плану, либо на изменение планов.

Разговоры о коррупции в министерстве обороны начались задолго до апрельского ареста заместителя Шойгу Тимура Иванова, связанного со своим шефом с 2012 г., когда они возглавляли Московскую область. Громкие коррупционные скандалы в военном ведомстве имели место ещё в бытность Анатолия Сердюкова, именно тогда значительная часть нефтегазовых доходов была направлена на модернизацию армии. Признанная тогда виновной в краже 6 млрд рублей начальник департамента имущественных отношений военного ведомства Евгения Васильева, сейчас – почётный академик Российской академии художеств, а её бывший шеф и нынешний муж Сердюков, порабатов на руководящих постах в структурах «Ростеха», стал вице-президентом Союза машиностроителей России.

Заметим: коррупция – не специфическая особенность российских чиновников, а неотъемлемая черта капиталистического способа производства. Она связывает чиновников *круговой порукой*. В спокойные времена она позволяет перераспределять ренту, а в моменты кризисов используется в борьбе между фракциями капитала. Вслед за громкими отставками и арестами в аппарате министерства обороны разразились коррупционные скандалы на региональном уровне. Кто-то говорит о *новом тридцатом седьмом*.

О проблемах с обеспечением армии ура-патриоты и либералы говорили с начала войны на Украине, что неизбежно сопровождалось вопросом о том, куда ушли триллионы рублей, выделяемые с 2014 г. на её модернизацию. Пригожинский бунт имел под собой вполне материальную почву. В медийное поле он вышел как конфликт с министерством обороны по вопросу снабжения боеприпасами. «Шойгу, Герасимов, где снаряды?!», – этот крик бывшего повара Путина находил отклик в сердцах тех, кто считал, что война приведёт к «очищению элит». Конфликт был решён Путиным в его манере: Пригожин замолчал навсегда, Шойгу на время, чтобы не вызывать обострение борьбы внутри правящего класса, был оставлен на своём посту. Теперь наступила очередь напарника президента по сибирской рыбалке: он лишён административного и финансового ресурса и отправлен в Совет безопасности. Нисходящая траектория Николая Патрушева указывает на будущее Шойгу?

В заключение обратим внимание на любопытный момент: отставке Шойгу предшествовал конфликт с Чемезовым по вопросу обеспечения армии. Ситуация развивается по спирали, Шойгу сменяет Пригожина.

Диалектика интересов внутри правящего класса имеет вполне материальную основу. Единство в присвоении прибавочной стоимости, произведённой пролетариатом. Раскол в борьбе за её присвоение между различными группами буржуазии.

Война, власть и собственность

Война – это передел собственности и рынков. Война – это борьба за сферы влияния. На Украине, говорят пропагандисты российского правящего класса, идёт война с коллективным Западом. Внутри России, похоже, начинается *война за путинское наследство*, поэтому все фракции российского капитала продвигают в правительство, комитет по делам буржуазии, своих представителей.

Тем временем министром обороны назначен адепт государственного вмешательства в экономическую политику Андрей Белоусов. Кто-то сравнивает его с рейхсминистром вооружений и военного производства (1942–1945) Альбертом Шпеером, указывая также на чрезвычайную воцерковлённость и увлечённость идеями русского мира, кто-то вспоминает, что в 2004 г. на грант Агентства США по международному развитию (USAID) им была опубликована работа «Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: анализ угроз», в которой он констатировал, что сформированный в СССР задел оборонных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ будет исчерпан в течение 3–5 лет.

Кто-то считает, что задача Белоусова в министерстве обороны ограничится аудитом, кто-то предполагает, что ему поручено в кратчайшие сроки милитаризовать экономику и подготовить её к *долгой войне*. Одно не исключает другого: вне зависимости от того, как и когда закончится украинская война, в условиях *всемирного цикла перевооружений* Кремль нуждается в *модернизации* военно-промышленного аппарата, а это требует учёта и контроля финансовых потоков.

Развязав агрессию против Украины, Кремль в очередной раз в своей истории надеялся на маленькую победоносную войну, но погряз в серьёзном международном конфликте, в котором на кону стоит будущее не только Украины, но и российского империализма.

Июнь 2024 г.

Степалов Ю.М.

**Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872**

512 стр., твёрдый переплёт,
издание дополнено предисловием
издателя, биографией автора,
приложением из документов
Первого Интернационала,
работ К. Маркса и Ф. Энгельса,
относящихся к данной тематике,
а также статьёй Д.Б. Рязанова
«Международное товарищество
рабочих. I. Возникновение первого
Интернационала»
(из книги: Архив К. Маркса и
Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924),
хронологией, фотографиями,
биографическим справочником,
перечнем упомянутых в книге
периодических изданий
и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Крупные группы российского империализма

Подготовка к “вытеснению” “Росатома”

Конверсия и обогащение урана, а также производство ядерного топлива – высокомонополизированные и фактически закрытые для новых игроков глобальные рынки: в сфере конверсии урана доминируют компании из России, Китая, Канады и Франции, обогащения урана – России (“Росатом”), ЕС (Urenco), Китая (CNNC) и Франции (Orano) (WNA, “The Nuclear Fuel Report Expanded Summary”, 2022), а в производстве ядерного топлива – США (Westinghouse, GNF), Франции (Orano), России (ТВЭЛ) и Китая (CNNC). По прогнозу Всемирной ядерной ассоциации (WNA), наличные мощности по конверсии останутся избыточными минимум до 2025 г., по обогащению – до 2035 г., поэтому новые участники не смогут встроиться в технологические цепочки атомной энергетики.

В настоящий момент более 1/5 топлива, используемого 93 ядерными реакторами в США, поставляется по контрактам с российскими поставщиками, в основном с “Росатомом”. ЕС ещё больше зависит от компании, поскольку 18 реакторов производства РФ в Финляндии, Болгарии, Словакии, Венгрии и Чехии пока работают на российском топливе.

Дискуссия о “ядерных” санкциях

Именно с такой структурой узаконенных рынков связан тот факт, что даже после развязывания российским империализмом войны на Украине в 2022 г. один из его чемпионов долгое время не подвергался санкциям. ЕС обсуждал этот вопрос, но решение не было принято, в частности, из-за позиции Венгрии и Болгарии, исторически связанных с российскими атомными технологиями: эти страны заявили, что не смогут отказаться от импорта урана из России. В феврале 2024 г. глава МАГАТЭ Рафаэль Гросси в интервью Reuters зафиксировал хрупкий текущий статус-кво: «По общему мнению, введение санкций против “Росатома” нереалистично и непрактично. Это поставило бы атомную промышленность многих стран в тупик».

“Вытеснить Путина”

Однако это не значит, что противостоящие фракции не подвергают этот консенсус сомнению. 16 апреля 2023 г. пять стран Большой семёрки – Великобритания, Франция, США, Канада и Япония – опубликовали заявление, в котором обязались «вытеснить Путина с рынка ядерного топлива», причём «так быстро, как это возможно», а 22 января 2024 г. вышла развёрнутая статья *Financial Times*, излагающая «план США по вырыванию ядерного топлива из российской хватки».

И даже Болгария, представитель которой заявлял о невозможности отказа от российского топлива, начинает по крайней мере диверсификацию поставок: в рамках планового ремонта на АЭС “Козлодуй”, который начался 5 мая, в энергоблок № 5 была загружена первая партия ядерного топлива Westinghouse. При этом загрузка нового типа топлива в реактор “советского” дизайна ВВЭР-1000 означает истечение российских гарантий обслуживания энергоблока. По плану программа диверсификации будет

завершена через 4 года с момента начала загрузки.

Три столпа стратегии Байдена

Полномасштабное вторжение России на Украину перевернуло «весь мир ядерной энергетики с ног на голову» (*Financial Times*, 26.01.2024), заставив Вашингтон срочно начать перезагрузку отрасли. Сначала он выступал против введения санкций, теперь же американская атомная промышленность согласилась устранить зависимость от услуг России по обогащению и конверсии топлива.

Стратегия администрации Байдена по восстановлению цепочки обогащения и конверсии урана зиждется на трёх столпах: субсидировании своей промышленности, привлечении международных партнёров в рамках *френдшоринга* и введении санкций на российский импорт. Во-первых, в ноябре администрация попросила Конгресс одобрить выделение дополнительных 2,2 млрд долл. на стимулирование американских компаний к увеличению мощностей по обогащению и конверсии. Во-вторых, она интенсифицировала сотрудничество с партнёрами из Великобритании, Франции и других стран, пытаясь ускорить инвестиции в производственные цепочки поставок для наращивания мощностей. Первые инвестиции уже осуществлены, а в целом дополнительное финансирование со стороны европейцев планируется ещё в течение 7 лет. За последние 7 месяцев европейская Urenco одобрила три транша инвестиций, направленных на увеличение мощностей по обогащению. Французская государственная Orano инвестирует 1,7 млрд евро в расширение мощности одного из своих французских заводов на 30 %. Эти два предприятия смогут заменить примерно половину того, что Россия сегодня продаёт в США и Европу. Но полная замена российских поставок потребует строительства новых заводов и разработки новых месторождений, и, прежде чем вкладываться в новые большие проекты, крупные игроки типа Orano хотят оградить себя от конкуренции и получить *протекционистские гарантии* того, что спустя годы сырьё из РФ не будет позволено снова появиться на рынке. В-третьих, несмотря на ясное понимание, что отказ от импорта “Росатома” и его “дочки” Тепех займёт годы, Палата представителей в декабре приняла “*Prohibiting Russian Uranium Imports Act*”, запрещающий поставки российского необогащённого низкообогащённого урана, а 1 мая этот законопроект был одобрен Сенатом и 13 мая Байден подписал этот документ. Правда, предусматривается возможность отмены этого закона до 1 января 2028 г., в том числе по соображениям “национальной безопасности”.

Кроме того, такой стратегии США и ЕС благоприятствует диверсификация поставок урана его ведущим мировым производителем – Казахстаном: с 2017 г. снизилась доля Китая (с 68 до 31 %) и увеличились поставки в Канаду, Россию, Францию и США, и теперь импорт из этой страны удовлетворяет 20 % годового спроса на уран в Европе и 22 % в США.

По данным WNA, Казахстан стал мировым лидером по производству урана в 2009 г., и с тех пор его доля на этом рын-

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ

ке выросла с почти 28 % до 43 % по состоянию на конец 2022 г.

Активизм Парижа

В ноябре прошлого года президент Франции Эмманюэль Макрон совершил «стратегический тур» по Центральной Азии, посетив Казахстан и Узбекистан. По мнению близкого к Кремлю мозгового центра Российский совет по международным делам (РСМД), это вызвано тем, что Франция, инициировавшая диверсификацию своих энергетических союзников после начала войны на Украине, «укрепляет партнёрство со странами региона, чтобы гарантировать поставки энергоресурсов в условиях растущей напряжённости в отношениях с Москвой и Пекином. В случае усугубления конфликта с Россией и дальнейшей деградации отношений с КНР, Франция и ЕС в целом не могут позволить себе потерять этот стратегически важный регион».

Один из аспектов этих отношений – поставки урана. Франция входит в мировой топ-3 стран-производителей атомной энергии, и импорт урана из Казахстана представляет большую ценность для Парижа: в 2022 г. Астана экспортировала во Францию 23,8 тыс. т урана и стала её крупнейшим торговым партнёром в этом секторе.

В отношениях с Ташкентом для Франции уран вообще является *главным* предметом интереса: его доля в совокупном узбекском импорте во Францию составляет подавляющие 94 %. Узбекистан занимает 7 и 6 место в мире по запасам урана и потенциалу для разработки урановых месторождений соответственно. В этой стране работает уже упомянутая Orano: в совместном предприятии ей принадлежит 51 %, а правительству Узбекистана – 49 %. Также имеется перспектива участия в разработке месторождений в районе населённого пункта Джангельды в Бухарской области.

Узбекистан также входит в сферу интересов России: в конце мая “Росатом” подписал с правительством Ташкента контракт на строительство атомной станции малой мощности (АСММ), которое должно начаться уже этим летом. АСММ будет состоять из шести реакторов на базе установки “РИТМ-200Н”. Такие установки “Росатом” выпускает серийно, однако до сих пор они использовались только на атомных ледоколах, а на суше пока нет ни одного реализованного референтного проекта; строительство первой в мире наземной АСММ “Росатом” начал в 2023 г. в посёл-

ке Усть-Куйга в Якутии и планирует завершить его в 2028-м.

Не следует забывать и о Нигере, который в 2013–2022 гг. обеспечил 20 % импорта урана во Францию: в июле 2023 г. в этой стране произошёл военный переворот, и новая власть объявила посла Франции персоной нон грата, а 22 декабря страну покинули последние из оставшихся там военных французского контингента, находившегося там 10 лет. Карта Нигера непременно будет использована Россией и Китаем.

Первые ласточки

Уровень участвующих в дискуссии должностных лиц и СМИ, а также предпринимаемые действия означают, что эта дискуссия носит отнюдь не теоретический или технический, но *политический* характер, и подготовка к изоляции “Росатома” идёт всерьёз.

А в тех секторах, где западные страны могут ввести санкции без такой подготовки, они их колебаний вводят. Так, 12 апреля 2023 г. США ввели первые санкции, напрямую затрагивающие проекты “Росатома” в ядерной энергетике. Под огонь попали “Русатом Оверсиз”, продвигающая проекты “Росатома” за рубежом, находящиеся во Владимирской области Ковровский механический завод и АО “ВПО “Точмаш”, производящие различное оборудование для ядерной энергетики, московский НИКИМТ-Атомстрой (инжиниринг) и оборонное производственное объединение “Старт” им. М. В. Проценко, являющееся градообразующим предприятием для Заречного Пензенской области. В начале мая 2023 года под санкции попали ФГУП “Атомфлот”, база судов которого находится в Мурманске на Баренцевом море, и ФГУП “Гидрографическое предприятие” из контура управления “Росатома”, занимающееся обеспечением мореплавания в акватории Северного морского пути.

В перспективе наиболее болезненными могут стать санкции против “Атомфлота”, который обеспечивает ледоколами углеводородные проекты и научные экспедиции в Арктике, поскольку они омрачают перспективы использования *стратегического* Северного морского пути, в том числе для развития проекта “Арктик СПГ – 2” “НОВАТЭКа”.

Кольцо санкций против загнанного себя в угол российского империализма сжимается всё сильнее.

Борьба рабочих в мире

Забастовки в Бангладеш

(II)

Борьба в октябре – декабре прошлого года в Бангладеш в отрасли RMG (Ready-Made Garment, готовая одежда) стала продолжением конфликта вокруг требований, который, хотя и прерывался, никогда не прекращался в этой отрасли в последние годы.

RMG – это одежда средней и низкой ценовой категории, которая, будучи маркированной самыми известными брендами, попадает на рынки Европы, США и Японии. Смежная упаковочная промышленность сильно сконцентрирована в промышленных зонах Дакки и Читтагонга: несколько тысяч производств, более 4 млн рабочих, в основном женщин. Это сильная концентрация рабочих, сформировавшаяся всего за несколько десятилетий в стране, которая всё ещё классифицируется как одна из *наименее развитых* – самый низкий уровень среди “развивающихся” стран.

Истоки швейной промышленности

В Бангладеш проживает более 170 млн человек, но темпы роста населения резко замедляются, коэффициент рождаемости составляет около 2,0 ребёнка на женщину, а возрастная пирамида начинает сужаться у основания. Именно в эти годы происходит накопление “демографических дивидендов”, что является очень благоприятным периодом с точки зрения наличия молодой рабочей силы. Кроме того, продолжается интенсивная миграция из деревни в город – по оценкам, более 1 млн человек в год, часть из которых уезжает за границу, особенно в страны Персидского залива, а также в Европу и особенно в Италию (сельское хозяйство, судостроительные верфи). Темпы роста ВВП в этом веке были высокими: 5–7 % в год; число наёмных

рабочих можно оценить примерно в 30 млн человек. Грамотность растёт, но всё ещё достигает лишь 75 %.

Большой вклад в развитие страны внесли текстильная и швейная промышленности, особенно последняя, сконцентрированная на RMG – секторе с низкими капиталовложениями и очень высокой плотностью рабочей силы, как правило, женской, примерно восемь из десяти. Тем не менее этот сектор обеспечивает более 80 % экспорта: его объём достиг 50 млрд долл. в год и стремится к 100 млрд долл. в течение десятилетия.

После отделения от Пакистана в 1971 г. новое правительство стимулировало иностранные инвестиции в трудоёмкие отрасли; однако за первыми южнокорейскими инвестициями не последовало многих других, и рост текстильного, и особенно швейного, сектора основывался на внутреннем капитале и сильных государственных стимулах, которые сохраняются до сих пор. Экспорт, на который с самого начала было направлено производство, смог выгодно вписаться в растущий мировой рынок дешёвой готовой одежды 1980-х и 1990-х гг. Бум произошёл благодаря возможности занять, возглавить и затем расширить эти торговые площадки, конкурируя и соперничая с южными регионами Китая (такими как Гуандун), Камбоджей, Вьетнамом и другими азиатскими странами. Важным ингредиентом является низкая стоимость продукции, которая определяется в том числе низкой стоимостью рабочей силы.

Как пишет *Dhaka Tribune* (24 декабря 2023 г.), Бангладеш «вырос как феникс» в этом столкновении и, «несмотря на жёсткую конкуренцию со стороны Китая, Вьетнама, Камбоджи и Индии, [...] он пережил экспоненциальный рост», поднявшись на седьмое место в мире как производитель одежды. Как? «Благодаря более низким мировым ценам и низкой стоимости рабочей силы в сочетании с соответствующей политикой».

Бум в XXI веке

Сегодня Бангладеш соперничает с Вьетнамом за второе место по экспорту RMG, а, возможно, уже перегнал его, а лидером является Китай. Но он по-прежнему использует тот же инструмент – более низкую цену по сравнению с другими конкурентами: на 21 % по сравнению с Китаем, на 32 % по сравнению с Турцией, на 27 % по сравнению с Индией (*Dhaka Tribune*, 12 января). Тем не менее ведутся дебаты о необходимости повышения производительности, качества и добавленной стоимости продукции, то есть увеличения инвестиций на одного работника, в том числе и потому, что на рынок RMG выходят другие страны с ещё более низкой стоимостью рабочей силы (например, Эфиопия). А покупатели, разумеется, не стесняются менять поставщиков изо дня в день.

Отражением этого бума стало быстрое формирование сильного, концентрированного и даже боевого промышленного пролетариата. Вот несколько цифр: в 1983 г. было 50 фабрик, в 1999 г. – 3 тыс. с 1,5 млн работников, сегодня – более 5 тыс. с 4,4 млн рабочих, к которым следует добавить мощное смежное производство. В типичной компании работает 0,2–1 тыс. человек, она гибко реагирует на ритмы *быстрой моды*, широко использует сверхурочные и праздники, чтобы удовлетворить потребности рынка, на котором по-преж-

ДО И ПОСЛЕ RANA PLAZA

Обрушение здания Rana Plaza в Дакке в апреле 2013 г. стало одной из крупнейших катастроф в истории, за которую наш класс заплатил 1,1 тыс. погибшими и 2,5 тыс. ранеными. И вся ответственность за это лежит на новообразованной промышленной буржуазии, жадной до прибавочной стоимости, которая в этом регионе мира и в этой рыночной ситуации нашла условия для получения неограниченной прибыли. Для этого она использовала несколько факторов. Во-первых, наличие многочисленной рабочей силы, в основном молодой, женской и недавно иммигрировавшей из сельской местности; во-вторых, ограниченные капиталовложения, необходимые для швейной промышленности; в-третьих, почти абсолютное отсутствие каких-либо ограничений, правил и контроля, сдерживающих её прожорливость. Нельзя забывать и о том, что за этой буржуазией и этой индустрией стоят крупные мировые швейные группы, *бренды*, которые также являются покупателями, в равной степени несущими ответственность за всё это, поскольку именно от них поступали и продолжают поступать заказы в этот сектор. И они, очевидно, не могут не знать, что происходит на фабриках, которые для них производят. И вот к череде пожаров и других эпизодов, недостаточно значимых, чтобы попасть в СМИ, добавилось не такое уж внезапное обрушение перегруженного и повреждённого здания, которое, несмотря ни на что, продолжало использоваться – настоящая тюрьма для 5 тыс. рабочих, трудившихся там, в одном из районов мегаполиса Дакка.

После катастрофы начались судебные разбирательства. С экономической точки зрения, это было ненужное уничтожение капитала, даже очень большого, учитывая низкие инвестиции, необходимые для RMG. Но новости и фотографии тут же облетели весь мир, что грозило вызвать феномен отторжения у покупателей готовой продукции, то есть модной одежды, которая почти вся шла на рынки Европы, США и Японии, а, значит, и возможное падение оборота для всей цепочки.

Необходимо было срочно принять меры по исправлению ситуации и возобновить производство. Поэтому правительство и промышленники Бангладеш определили более подходящие правила безопасности промышленных объектов и приняли необходимые меры контроля, которые оказались эффективными, так как сообщения о подобных событиях сократились, хотя, конечно, не исчезли совсем.

Четыре года спустя, казалось бы, всё шло своим чередом, как и до катастрофы, по крайней мере если смотреть издали: «*Швейный сектор Бангладеш продолжил свой бум даже после обрушения Rana Plaza в 2013 году*», – писала в 2017 году лондонская *Financial Times*. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что производство, как ни в чём не бывало, возобновилось, далёкие рынки развитых стран не испытали “эмоционального” спада, прибыль по глобальной цепочке поставок продолжала поступать, но положение рабочих не сильно улучшилось.

В углублённом британском академическом исследовании, проведённом в 2020 г., утверждается, что, несмотря на международный резонанс проблемы, «*реальность повседневной жизни самых бедных и наименее защищённых слоёв рабочей силы существенно не улучшилась*». Отсутствует “культура безопасности”, профсоюзы не смогли оказать существенного влияния, существует «*фаталистическое принятие сложившихся условий, потому что “так сложилось”*».

В действительности, как мы хорошо знаем, в положении рабочего класса нет ничего фаталистического. Вместо этого существуют отношения силы, которые в Бангладеш и других азиатских странах сегодня неблагоприятны для нашего класса, даже с точки зрения самых основных требований. Это ясно видно из недавнего исследования МОТ (2022), посвящённого швейному сектору в Азии. Низкий рост производительности труда ограничивает возможность снижения затрат и сокращения сроков поставки (что крайне важно для *быстрой моды*, которая обновляется очень часто); это приводит к «*понижающему давлению на заработную плату и условия труда*». Промышленники в секторе утверждают, что, учитывая высокий уровень конкуренции (т. е. конкуренцию со стороны вьетнамских, камбоджийских и т. д. фабрик), «*даже ограниченное повышение заработной платы может привести к тому, что прибыль исчезнет*». Это произошло почти 10 лет спустя после строительства Rana Plaza. МОТ делает вывод: «*Бедственные условия труда в этом секторе в значительной степени обусловлены динамикой глобальной цепочки поставок и взаимодействием с ограничениями на уровне страны*». Это не что иное, как обвинительный акт в адрес всей производственной цепочки RMG: от западных брендов на вершине цепочки, покупателей, которые платят бесконечные нити производства, эксплуатируя международную конкуренцию с помощью низких цен, до местных швейников, которые ущемляют зарплаты и условия труда, чтобы сохранить свою прибыль, называя при этом «*кровососами*» лицемерные бренды, которые при этом распределяют между ними работу и получаемую прибыль.

Скудные хроники сообщают о широкомасштабных забастовках в декабре 2010 г., в 2014-м, в 2016-м, в декабре 2018-го, январе 2019-го и т. д.; все они имели какой-либо общий знаменатель – требования заработной платы и защиты от увольнений. Особенно сильными были забастовки в декабре 2016 г., когда произошли тысячи увольнений и аресты десятков рабочих и представителей профсоюзов, а также декабрьские забастовки 2018-го и январские 2019 года, опять же с массовыми увольнениями.

нему доминируют крупные западные бренды и их покупатели, которые разрабатывают дизайн “у себя дома” и делегируют только материальное производство, то есть пошив одежды, в конец цепочки поставок. Этот механизм за 10 лет не изменился (см. Вестник “Интернационалист” № 20, март 2014 года).

Картина будет неполной, если не заметить, что, с одной стороны, тип предприятия благоприятствует коалиции рабочих, а с другой – профсоюзы почти или совсем отсутствуют. Это

результат более чем десятилетней политики репрессий со стороны сменявших друг друга правительств страны, которые сдерживали и ограничивали их деятельность. Только в последние годы был достигнут некоторый прогресс, в том числе благодаря забастовкам, в основном стихийным. Это испытательный полигон, но на ближайшие годы для молодого бангладешского пролетариата дорога открыта.

Lotta comunista, май 2024 г.

В. И. НЕВСКИЙ

История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения,
статьи В. И. Невско-
го «Ленин как материалист
в своих ранних работах»,
«Философия мёртвой реакции»,
карты, схемы и иллюстрации,
примечания, хронология,
библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Промышленность и фармацевтика

Прорыв в редактировании генома

В начале мая *New York Times* опубликовала новость о том, что 12-летнему мальчику, страдающему серповидноклеточной анемией, начали проводить генную терапию в одной из Вашингтонских больниц. Цель – навсегда устранить причину заболевания, наследственный генетический дефект. Это первый генетический метод лечения серповидно-клеточной анемии, одобренный Управлением по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных средств США (FDA), с применением препарата *Lyfgenia* (livoscel), который к настоящему времени прошёл клинические испытания примерно на 30 пациентах.

Генетический дефект при серповидно-клеточной анемии заключается в наличии мутации в генах обоих родителей, регулирующих синтез гемоглобина – белка в красных кровяных тельцах, которые переносят кислород. Структура вырабатываемого гемоглобина становится аномальной. Эритроциты оказываются жёсткими и деформированными, «серповидными», снижается поступление кислорода к тканям, кровоток становится затруднённым, возможны тяжёлые повреждения различных органов и преждевременная смерть.

Логика лечения методом *Lyfgenia* заключается в заборе стволовых клеток крови из костного мозга пациента и добавлении в них с помощью безвредного вирусного вектора копии гена, отвечающего за синтез гемоглобина, аналогичного гемоглобину здорового взрослого человека. После «очистки» костного мозга с помощью химиотерапии (миелоабляции) генетически модифицированные стволовые клетки вводятся повторно одной инфузией.

Терапия *Lyfgenia* была разрешена FDA к коммерческому применению в декабре прошлого года для пациентов в возрасте от 12 лет. Разработкой занимается Bluebird Bio, биотехнологическая компания из Массачусетса, основанная в 2010 году, с тремястами сотрудниками и товарооборотом в 29,5 миллиона долларов в 2023 году.

Тогда же FDA одобрило терапию *Casgevy* (exa-cel) для лечения тяжёлой серповидноклеточной анемии у пациентов в возрасте 12 лет и старше. Месяцем ранее лечение с помощью *Casgevy* получило авторизацию Агентства по регулированию лекарственных средств и товаров медицинского назначения Великобритании (MHRA) для лечения трансфузионно-зависимой бета-талассемии (ТЗТ). В феврале, по рекомендации Европейского агентства по лекарственным средствам (EMA), Европейская комиссия также выдала ограниченное разрешение на коммерческое использование *Casgevy* для лечения обеих наследственных гемоглобинопатий.

Переписывание ДНК

Casgevy – это первая доступная клеточная терапия, подразумевающая редактирование генов с применением технологии CRISPR/Cas9, разработанной совместно биотехнологическими компаниями Vertex Pharmaceuticals и CRISPR Therapeutics. Товарооборот основанной в 1989 году бостонской компании Vertex в прошлом году составил 9,87 млрд долларов, а штат сотрудников – 5400 человек; компания CRISPR Therapeutics была основана в 2013 году в Швейцарии, её совокупный штат 407 человек, а товарооборот – 371 миллион долларов.

Эти два метода лечения иллюстрируют прогресс в сфере *генной терапии*, достигнутый в результате более чем четырёх десятилетий исследований, и демонстрируют недавний прорыв: возможность редактирования генома человека. *Lyfgenia* использует «конвенциональную» генную

терапию, при которой в организм вводится новая ДНК. *Casgevy* основана на новой технике разрезания ДНК в заданных точках и удаления, добавления или замены строго определённых генных последовательностей. В случае с серповидноклеточной анемией стволовые клетки подвергаются манипуляциям путём деактивации своего рода генетического переключателя, который препятствует производству фетального гемоглобина после рождения, а затем переливаются обратно. После возобновления синтеза фетального гемоглобина эритроциты больше не будут подвергаться изменениям. Компания Vertex отказалась сообщить *The New York Times*, начала ли она уже лечить пациентов с помощью CRISPR/Cas9 – технологии, с помощью которой переписывается ДНК.

Факторы неопределённости и затраты

Обе процедуры очень дорогостоящи как для пациентов, так и для системы здравоохранения. Они требуют наличия центров, обладающих передовым опытом, сложных тестов, тяжёлого лечения перед инфузией, длительного пребывания в больнице. И при этом каждый метод предусматривает огромные затраты. Заявляемая цена *Lyfgenia* составляет 3,1 миллиона долларов, *Casgevy* – 2,2 миллиона. Компании стремятся воспользоваться монопольным статусом, пока на рынке не появились другие конкуренты. Сам рынок при этом не так уж велик.

Серповидноклеточная анемия (как и бета-талассемия) относится к категории «редких заболеваний». Действительно, эпидемиологические данные очень скудны. По оценкам Института измерения и оценки здоровья (IHME), в мире насчитывается 7,7 миллиона больных серповидноклеточной анемией, а смертность от неё достигает 300–400 тысяч человек в год. Чаще всего жертвами становится население Африки к югу от Сахары, где проживает 75 % из 300 тысяч детей, каждый год появляющихся на свет с этим заболеванием. По оценкам Центров по контролю и профилактике заболеваний (CDC), в Соединённых Штатах насчитывается 100 тысяч больных, 90 % из которых – чернокожие или афроамериканцы. В Европейском союзе их около 52 тысяч (Statista), а в Италии – от 2,5 до 5 тысяч (Osservatorio malattie rare).

Однако для генетической терапии существует и множество ограничений. По оценкам FDA, в США только 20 тысяч пациентов старше 12 лет соответствуют критериям для прохождения такого лечения (NYT, 9 декабря 2023). Число медицинских центров с соответствующими разрешениями в любом случае невелико, и в год они могут принимать лишь небольшую квоту пациентов. Компания Vertex утверждает, что для использования её метода лечения авторизовано 9 центров, Bluebird говорит о 27-ми. *Nature Biotechnology* приветствует «историческое достижение» в виде CRISPR/Cas9, но задаётся вопросом: «Кто сможет им воспользоваться?» (январь 2024).

Кроме того, существуют серьёзные риски и факторы неопределённости, связанные с вносимыми генетическими изменениями, носящими необратимый характер. Рекомендую ограничить одобрение препарата *Casgevy*, EMA (как и FDA) посчитало, что преимущества в настоящее время перевешивают риски, но при этом сделало оговорку, что для оценки безопасности и эффективности необходимо будет наблюдать за пациентами в течение пятнадцати лет.

Бег с препятствиями

Огромный потенциал генной терапии заболеваний, вызванных генетически-

ми дефектами и считавшихся неизлечимыми, был обозначен ещё пятьдесят лет назад. После почти двух десятилетий исследований в 1990 году было проведено первое успешное клиническое испытание лечения редкого генетического заболевания – тяжёлого комбинированного иммунодефицита. Энтузиазм исследований, вызванный этой вехой в генной терапии, угас в последующие годы из-за неудач, которые привели к ограничениям, отказам и возникновению этических вопросов (*Labitech*, 24 июня 2022).

В этом столетии генная терапия вновь набрала обороты, и область её применения расширилась. За последние двадцать лет различными регулирующими органами было разрешено 30 видов генной и клеточной терапии (с клетками, модифицированными для воздействия на определённую проблему). Более двух тысяч видов терапии находятся в стадии клинических или доклинических исследований. Область применения в основном охватывает онкологию, за ней с отрывом следуют редкие заболевания (Citeline – American Society of Gene & Cell Therapy, январь 2024).

С генной терапией связаны большие надежды, но также и опасения, комментирует *Scientific American*. Среди «больших вызовов», с которыми она сталкивается, – не только возможные негативные последствия, но также повышение производственной эффективности и снижение стоимости. Одобренные для применения в США методы лечения стоят в среднем 400 тысяч долларов США за дозу («Gene therapy is coming of age», 1 ноября 2021). Ошеломляющие расходы вступают в противоречие с приоритетами финансовой устойчивости систем здравоохранения и готовностью страховых компаний оплачивать их хотя бы частично.

Молекулярные ножницы

Геномная инженерия с использованием метода CRISPR – новейшее достижение «биотехнологической революции» в медицине. Эрик Ландер называет его «самым удивительным и, возможно, наиболее важным открытием этого века» (Кевин Дэйвис, «Редактируя человечество. Революция CRISPR и новая эра изменения генома», 2024). Ландер, генетик, молекулярный биолог и математик, основал и возглавляет Институт Броуда при Массачусетском технологическом институте и Гарварде, который называют «самой инновационной квадратной милей на планете». Дэйвис, биохимик и редактор журнала *Nature Genetics*, реконструирует 30-летнюю историю CRISPR-редактирования генов, «которое способно изменить бесчисленные области науки, медицины и сельского хозяйства». Но оно также скрывает множество подводных камней. Неудачи или негативные последствия не за горами, а отдельная драматическая неудача может привести к откату на годы назад, как это уже случалось с генной терапией. Процесс вызывает биоэтические споры, как и генная инженерия в целом. Тем не менее возможность переписать ДНК с помощью «простого» метода вызывает большие надежды в области медицины в связи с её потенциалом в борьбе с большим количеством заболеваний, от рака до наследственных болезней.

CRISPR расшифровывается как «clustered regularly interspaced short palindromic repeats», то есть регулярно перемежающиеся короткие последовательности ДНК. Впервые эти образования были замечены в конце 1980-х годов у бактерий и других одноклеточных организмов и долгое время оставались без объяснения. В начале этого столетия они были признаны составляющими

бактериальной иммунной системы, направленной против вирусных инфекций. После атаки вируса бактерия сохраняет часть своей геномной последовательности в CRISPR-пространстве. В случае новой атаки бактерия распознаёт вирус, синтезирует фермент (Cas9), способный разрезать ДНК, и направляет его точно против нападающего.

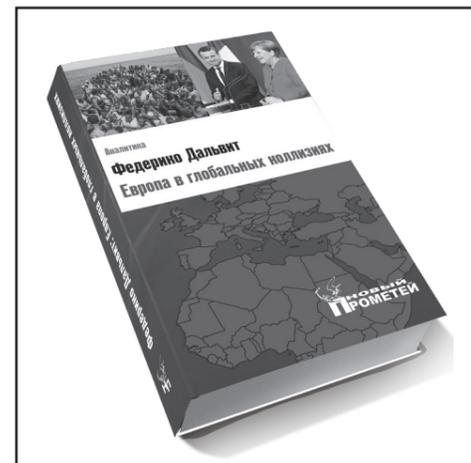
Парадоксы рынка

В 2012 году французский микробиолог Эмманюэль Шарпантье и американский биохимик Дженнифер Дудна в рамках трансатлантического научного сотрудничества – Шарпантье работал в Швеции, в университете Умео, Дудна – в Беркли, Калифорния, – продемонстрировали, что технику, применяемую бактериями, можно воспроизвести «в пробирке» (разрезая любую последовательность ДНК в определённой точке) и перенести на другие живые организмы. Биотехнология получила название «генетические ножницы». Двое учёных были удостоены Нобелевской премии по химии в 2020 году, но в действительности новый рубеж в редактировании генома – это результат работы множества исследователей из разных стран, и к этому мы ещё вернёмся.

Этот рубеж привлекает млрд капитала. Ожидается, что объём мирового рынка CRISPR-редактирования генов вырастет с 2,4 млрд долларов в 2023 году до примерно 33 млрд в 2033 году.

Весь биотехнологический и фармацевтический сектор находится в движении. Крупные компании, на которые давит истечение срока действия патентов на старые препараты, пытаются занять более высокотехнологичные, дорогие и высокодоходные сегменты рынка, конкурируя в том числе с небольшими биотехнологическими компаниями, высокоинновационными, но нуждающимися в инвестициях. Эта пересборка сказывается на рынке лекарств, поскольку производство в других секторах оказывается под угрозой. Парадоксально, но в то время, как покоряются новые медицинские вершины, на рынках в странах фармацевтических гигантов, как в Европе, так и в Америке, обнаруживается тревожный дефицит «обычных» лекарств, играющих важнейшую роль в здравоохранении.

Lotta comunista, май 2024 г.

Федерико Дальвит

Европа в глобальных коллизиях

592 стр., твердый переплёт, примечания, биографический справочник, библиография, хронология, указатель периодических изданий и СМИ, карты.

ISBN 978-5-9905528-9-0

Цена 400 руб.

Логика Маркса

Марксов метод *изложения* экономического анализа, который он неоднократно пояснял, предполагает движение от простейших понятий к более сложным. На первый взгляд, этот метод соответствует “здравому смыслу” – от простого к сложному, – но Маркс возвращает его таким образом, что он опровергает этот “здравый смысл”. Последний искажает познание, начиная именно с тех элементарных частичек действительности, понимание которых требует *научной абстракции*. Оппортунизм всегда будет противопоставлять предрассудки “здорового смысла” методу партии-науки.

В предисловии к I тому “Капитала” Маркс пишет: «*Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть её в течение более чем 2000 лет, между тем как, с другой стороны, ему удалось, по крайней мере приблизительно, анализ гораздо более содержательных и сложных форм. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должно заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвященного анализ её покажется просто мудрствованием вокруг мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, микроанатомия*»¹.

I том “Капитала”, за исключением «раздела о форме стоимости, [...] не представит трудностей для понимания»², добавляет Маркс.

Микроанатомия “клеточки” капитала – товара, расчленяемой скальпелем *научной абстракции*, обладает огромной силой. Это основа понимания тайн капитала. Мы окружены огромным количеством товаров всех форм и назначений. Потребительские товары, сырьё, энергия, потребляемая в домах, офисах и на заводах, – всё это является товаром, также как и средства производства, дома, промышленные склады, земля, транспортные средства, туристические поезда, медицинские процедуры. Капитализм предстаёт как бесконечная ярмарка товаров, которые постоянно модернизируются, обновляются и проникают во все сообщества на планете. Всем известно, что каждый товар отличается своей специфической полезностью, которая делает его *потребительской стоимостью*, и *ценой*. Цена говорит нам, что потребительная стоимость – это оболочка, ларец, в котором заключена *стоимость*. На рынке покупатель ищет определённую потребительную стоимость, а продавец заинтересован в реализации стоимости, характеризующую продаваемый им товар. Цена делает сопоставимыми самые разнородные товары. Например, цена позволяет сказать, что пара туфель стоит столько же, сколько две рубашки. И туфли, и рубашки являются продуктами *труда*. Стоимость выражает *количество труда*, содержащегося в каждом товаре, т. е. продолжительность *рабочего времени*, затраченного на его производство. Однако это не просто продолжительность какого-то рабо-

чего времени, а *общественно необходимого рабочего времени*, т. е. рабочего времени, затрачиваемого в средних действительных социальных условиях, при среднем уровне квалификации и техники, производительности, договорных отношений. Маркс начинает свой анализ с маленьких шагов, прежде чем совершить большой скачок. Он останавливается на *труде*, чтобы выявить его связь со *стоимостью*. Товар несёт в себе два аспекта труда, который его произвёл: каждый товар представляет собой затраты *рабочей силы*, или *способности к труду*, которые мы называем *абстрактным трудом*, потому что этого требует любой вид производственной деятельности; существует также специфическая деятельность и навык этого труда, или *конкретный труд*, который придаёт форму и функциональность товару. *Конкретный труд* придаёт товару *потребительскую стоимость*, *абстрактный труд* – *стоимость*.

Процесс, с помощью которого Маркс посредством научной абстракции разлагает товар на его самые глубокие внутренние связи, жизненно важен, поскольку он содержит решение *загадки капитала*. Когда в *сфере обращения* в известных исторических условиях встречаются капиталист – владелец *товара деньги* – и пролетарий – собственник своего единственного *товара рабочая сила*, или *способности к труду*, то происходит обмен: капиталист покупает товар рабочая сила, платя за него по *стоимости*, складывающейся из стоимости жизненных средств, необходимых для производства и воспроизводства работника. Это обмен, который в *сфере обращения* вполне справедлив как обмен эквивалентных стоимостей.

Но именно в *сфере производства* выражается *потребительная стоимость* рабочей силы, иными словами, её способность – в данных исторических условиях развития производительных сил – отработать больше рабочего времени, чем необходимо для её собственного производства и воспроизводства. Таким образом, этот излишек придаёт товару, произведённому для капиталиста, *стоимость*, превышающую стоимость, уплаченную за эту рабочую силу, т. е. большую, чем заработная плата, выплаченная рабочему. Этот излишек рабочего времени, “подаренный” наёмным работником капиталисту, является источником дохода всех буржуазных фракций и источником всего накопленного богатства, какова бы ни была его форма. В этом и состояло открытие *прибавочной стоимости*.

В своём письме Энгельсу от 8 января 1868 г. Маркс подчёркивал “простоту” этого открытия: «[От] *внимания всех экономистов без исключения ускользнула та простая вещь, что если товар представляет собой нечто двойственное, а именно: потребительную стоимость и меновую стоимость, то и воплощённый в товаре труд должен иметь двойственный характер, между тем как простой анализ, исходящий из труда sans phrase, как у Смита, Рикардо и т. д., всякий раз наталкивается на необъяснимые явления. В этом, действительно, и заключается вся тайна кризисного понимания вопроса*»³.

Вывод о том, что стоимость как таковая «не имеет ничего “вещества”, кроме самого труда», сделал уже Петти, и далее мы находим это «*вполне разра-*

ботанное [определение] у Рикардо»⁴. Однако концепция двойственного характера стоимости ещё не была применена к рабочей силе.

Почему Маркс смог совершить этот простой, но грандиозный, скачок в своём исследовании капитала? Энгельс даёт столь же простой, сколь и глубокий ответ. Причина в том, что Маркс увидел за отношениями, которые классическая политическая экономия рассматривала как отношения между вещами, отношения между людьми и между классами: «[Политическая] *экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счёте всегда связаны с вещами и проявляются как вещи. Эта связь, о которой в отдельных случаях лишь догадывался тот или другой экономист, впервые была раскрыта Марксом во всём её значении для всей политической экономии, и благодаря этому труднейшие вопросы он сделал такими простыми и ясными, что понять их смогут теперь даже буржуазные экономисты*»⁵.

В нескольких местах “Экономической рукописи 1861–1863 годов” Маркс иллюстрирует присущую капиталистическому способу производства трансформацию общественных отношений в отношения между вещами. Это позволяет ему увидеть великую заслугу самого влиятельного экономиста буржуазии Давида Рикардо именно в признании последним этого овеществления, этой дегуманизации, произведённой системой буржуазных отношений. Маркс пишет в XVI тетради “Экономической рукописи”: «*Рикардо как раз то, в чем его упрекали, а именно, что при рассмотрении капиталистического производства он, не думая о “людях”, о распределении, а потому и потреблении, обращает внимание только на развитие производительных сил, каких бы жертв оно ни стоило. Развитие производительных сил общественного труда есть историческая задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создаёт материальные условия более высокого способа производства*»⁶.

Гуманизировать капиталистический способ производства будут не кто иной, как псевдосоциалисты Прудон, Сисмонди и их реформистские эпигоны. Коммунисты же хотят упразднить его, потому что он исчерпал свою историческую задачу.

Маркс начинает “Экономическую рукопись 1861–1863 годов” как раз с анализа денег, с трудного вопроса: «*Как деньги становятся капиталом?*»⁷. Выделим одну из сторон научного метода Маркса, а именно тщательный анализ всех сторон предмета исследования. Его инструменты – *научная абстракция, логика и история*; историческое наблюдение обычно следует за логическим изложением, “логический метод” предвосхищает “исторический метод”. Энгельс замечает: «[Логический] *метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобождённым от исторической формы и от мешающих случайностей*»⁸.

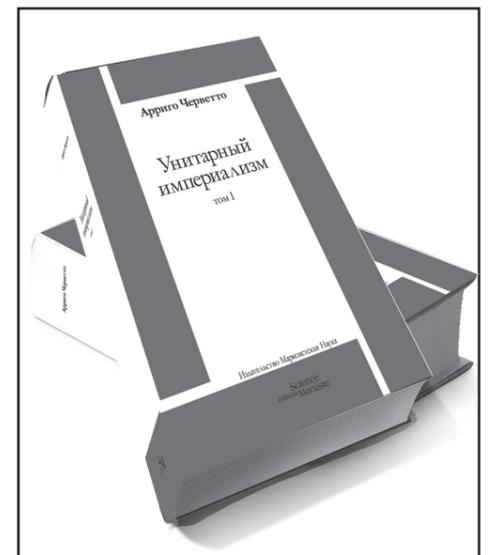
Логика и история для Маркса не являются схоластикой. Антонио Лабриола называл потрясающие аналитические способности Маркса «*обострением логики*». Это не что иное, как исследование капиталистического способа производства, основанное на «*науке логики*», на диалектике, преобразованной и вооружённой материалистическим ви-

дением. История капиталистического общества понимается как *естественно-исторический процесс* и как *социальная практика антагонистических классов*. “Капитал” переполнен ссылками на историю классов; его исторические главы, такие как главы о первоначальном накоплении капитала, рабочем дне или о том, как наука применялась в промышленности, представляют собой живые картины общественной экономической формации, плоти и крови, покрывающих скелет, просвечиваемый рентгеном теории.

Систематическое использование логики “Капитала” – это вызов и упражнение для умов молодых людей, осаждённых туманом банальностей, натиском цифрового идиотизма, иррациональностью нарциссических демагогов-неучей и учёным невежеством плохих учителей. Логика Маркса учит терпению и любопытству, необходимым для понимания реального мира, и настоятельно требует их наличия.

Lotta comunista, январь 2023 г.

- 1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 5–6.
- 2 – Там же. С. 6.
- 3 – Там же. Т. 32. С. 9.
- 4 – Там же. Т. 29. С. 257.
- 5 – Там же. Т. 13. С. 498.
- 6 – Там же. Т. 48. С. 294. (эту же мысль К. Маркс повторил в третьем томе “Капитала”, см. Т. 25. Ч. I. С. 284).
- 7 – Там же. Т. 47. С. 3.
- 8 – Там же. Т. 13. С. 497

Арриго Черветто УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 1

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 2

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Создание современного

В 1989 г. Дэвид Фромкин в своей книге *“Peace to End All Peace”* писал: «Средний Восток стал тем, чем он является сегодня, вследствие того, что европейские державы его изменяли [с 1911 по 1922 год] и что Великобритания и Франция не сумели гарантировать постоянство династий, государств и политических систем, которые они создали». Во время и после первой мировой войны Лондон и его союзники «необратимо разрушили старый региональный порядок; они положили конец турецкому доминированию на арабоязычающем Среднем Востоке без всякой перспективы его восстановления». На его месте они «основали страны, назначили правителей, прочертили границы» и ввели систему государств по европейскому образцу, но не сломали значительную местную оппозицию этим решениям. Их действия во время первого империалистического конфликта положили конец «европейскому средневосточному вопросу», но породили «средневосточный вопрос».

По мере «систематизации 1922 года» была решена проблема османского наследства в его отношениях с европейскими державами, но не проблема его легитимности. Это наблюдение отсылает нас к арабо-израильским конфликтам начиная с 1947 г. и к возникновению палестинского вопроса – извечного национального предлога для регионального и глобального столкновения держав, а также других национальных вопросов, до сих пор нерешённых, например, курдского и армянского. Все три снова встали в повестку дня с началом сирийского конфликта в 2011 г., столкновениями в Нагорном Карабахе в 2020–2023 гг. и сегодняшней войной в Газе. Эти конфликты привёл в движение кризис порядка.

«Систематизация 1922 года» была результатом слома порядка, получившего выражение в первой мировой империалистической войне, хотя её предпосылки проявились начиная ещё с 1911 года в Балканских войнах и войне в Ливии.

От переписки МакМэхона к декларации Бальфура

Ключевые решения, принятые в ходе конфликтов в Палестине, Сирии и Турции, имели более широкие отголоски, хотя и были вторичным театром в плане военного противостояния. Вступление Османской империи в европейскую войну в октябре 1914 г., которое, по словам Фромкина, в течение «всего ста пятидесяти дней» привело к «полному низвержению вековой политики Великобритании», являвшейся на тот момент первой мировой державой, можно резюмировать в трёх этапах.

Первым было проведённое Лондоном исследование о возможности использовать арабский национализм, чтобы разложить турецкую империю, – речь идёт о переписке высокого комиссара по Египту МакМэхона и аль-Хусейна ибн Али, эмира Хиджаза и шерифа Мекки и Медины. Эти контакты происходили с июля 1915 г. по март 1916-го, накануне англо-французского наступления на полуострове Галлиполи – операции, которая, по задумке Лондона, должна была быстро вывести Османскую империю из игры, поддержать союзника Россию и позволить выйти из тупика на Западном фронте. Вторым этапом были соглашения Сайкса – Пико, о которых Франция и Великобритания вели переговоры с ноября 1915 г. по март 1916-го. Они обозначали военные цели союзников в Османской империи – по сути, её раздел на сферы влияния Парижа,

Лондона, Петрограда и Рима. Наконец, третьим этапом была декларация Бальфура в ноябре 1917 г., в которой Лондон выражал поддержку сионистскому движению и идее «еврейского национально-ого очага» в Палестине.

Британская «третья империя»

Что касается Британской империи, все эти решения складывались в рамках диалектики отношений различных центров принятия решений и центров интересов, таких как Египет, Индия, Южная Африка, Австралия, а также внутри как минимум «восемнадцати британских правительственных ведомств» – от военных кабинетов до *Foreign Office*, от *War Office* до адмиралов *Colonial Office*. В 1917 г. «арабистами» и «англо-египтянами», то есть представителями британского владычества в Египте, в качестве «инструмента централизации» было создано «*Arab Bureau*» (департамент арабских дел). В его обязательства и цели, как пишет Фромкин, после 1918 г. входил ряд мер по приведению в соответствие и к равновесию колониальных интересов в целом, внутреннего политического цикла, экономических условий и поддержание взятых обязательств.

В 1918 г. расширение Британской империи достигло апогея: к африканской империи и индо-тихоокеанской империи – «крупной цепочке архипелагов», удерживаемых Королевским флотом и британскими торговлей и финансами – добавилась «третья империя», то есть арабская (John Darwin, *“Les crises d’Orient”*, vol. II, 2019). Как пишет французский арабист Анри Лоран, это было также доминирование, «навязанное британским моментом» от Западной Азии до Индийского океана (*“Les crises d’Orient”*, vol. II, 2019). По мнению Фромкина, с 1919 г. по 1922-й Лондон находился в ситуации «сверхэкспансии», усугублённой демобилизацией и поствоенным экономическим кризисом. Великобритания была вынуждена прибегнуть к политике финансового ретренинга и начала считать бременем помощь хашимитской династии и поддержку «сионистской программы, к которой она решительно присоединилась в 1917 году». Результатом стала необходимость применить такое «решение на Среднем Востоке, в какое во многом она больше не верила», хотя бы потому, что многие предыдущие решения «начали жить собственной жизнью».

“Джихад made in Germany” и сионизм в империалистическом противостоянии

Сионистское политическое движение, хотя и содержало религиозные черты, родилось как выражение светского национализма. Согласно замыслу Теодора Герцля, нужно было основать либерально-светское государство, в котором «милитаризм будет заключён в стенах казарм, а равнины – в стенах синагог». Поддержка, которую движение получило в Лондоне и в меньшей мере в Париже, сделала его национальным предлогом, использованным для различных целей в контексте конфликта. То же самое можно сказать и о поддержке арабского национализма и о помощи, которую все державы оказывали национальным меньшинствам и различным религиозным конфессиям в военных и политических интересах. С точки зрения истории, новинкой был лишь глобальный масштаб конфликта.

Как Фромкин, так и Лоран, подчёркивают: с 1870 г. ключевые европейские столицы помимо колониальной экспан-

сии проявляли «манию» к панисламизму – феномену, присутствовавшему на всей протяжённости османского и исламского пространства, помещённого между Атлантикой и Центральной Азией. Великобритания, Франция и Россия, как пишет Лоран, являлись «мусульманскими державами», поскольку имели колониальных подданных-мусульман. Во время провозглашения англо-индийской империи в 1876 г. премьер-министр Бенджамин Дизраэли заявил, что Британская империя является «исламской империей»: в 1922 г. в подданстве у Короны была половина мусульманского мира. Тем не менее Османская империя, воплощая в себе халифат, то есть духовное лидерство в этом мире, была единственной «ещё суверенной» исламской державой: её суверенитет был признан Парижским миром 1956 г., которым закончилась Крымская война (1853–1856).

В том числе в качестве инструмента вмешательства в политику Ближневосточной Порты различные европейские державы заявляли о себе как о державо-защитницах входивших в её состав христианских меньшинств. Немецкое восхождение после 1871 г. и соперничество держав породило страх перед панисламской идеологией как инструментом влияния. Париж, как пишет Лоран, старался создать «французский ислам» через «западный халифат» в Марокко, учитывая прямое происхождение от Мухаммада, которым хвасталась династия Шерифов в Рабате. Против этого выступали представители французской колониальной партии в Алжире, а также «сирийской партии», представителем которой был Франсуа Жорж-Пико (1870–1951), ранее французский консул в Ливане.

Для Лондона сложностью были элементы соперничества с Россией в Центральной Азии и с Германией в османских владениях. С 1829 г., как пишет Фромкин, «британская стратегия состояла в использовании нисходящих режимов в исламской Азии как гигантского буфера», отделяющего Британскую Индию и Египет от русской угрозы – эта политика в первую очередь ассоциируется с фигурой Лорда Палмерстона. Двумя стратегическими эпицентрами служили Константинополь и Дарданеллы в Западной Азии и Афганистан в Центральной Азии. Правительства

тори синтезировали эту стратегию в формуле поддержки «турецкого бастииона» против России.

Либеральные же правительства, особенно правительство Уильяма Ю. Глэдстоуна, продвигали *moralpolitik*, которая «гневалась на деспотичные и коррумпированные средневосточные режимы». С 1880-го по 1885 г. правительство Глэдстоуна отказалось от «защиты Константинополя и влияния на него», подтолкнув его к поиску поддержки у бисмарковской Германии, которая «вытеснила Великобританию из Ближневосточной Порты». Последующие правительства консерваторов не сумели обратить это вспять.

Лондон, Каир, Шимла и “шайка пиратов”

Лорд Китченер, ставший героем Хартума в качестве командира англо-египетских войск, а затем главнокомандующий англо-индийскими войсками и министр войны в 1914 г., стал ориентиром “англо-египетского” течения в дебатах в Империи. Он продвигал стратегию поддержки арабских национальных требований для противодействия османам, создал «арабское царство» под защитой Британии, «сместив халифат на юг». В оппозиции к линии Каира находилось “англо-индийское” течение, представленное правительством в Шимле, летней резиденции британской имперской администрации в Индии. Результатом противостояния стала упомянутая выше переписка МакМэхона – Хусейна: эмир Хиджаза заявлял, что способен управлять антиосманским арабским движением. Согласно реконструкции Фромкина, Каир хотел верить в слова о том, что многочисленные секретные арабские общества, присутствующие в особенности в Дамаске, смогут посеять инакомыслие среди османских войск, однако в действительности этого не произошло. Несмотря на значительное число дезертиров после 1917 г., до 1918-го арабские войска оставались верны стамбульскому султану и режиму Младотурок, установившемуся в 1908-м.

Всё время переговоров, как добавляет Фромкин, Лондон, Каир и Хусейн обменивались «фальшивыми монетами»: Англия не была уверена в реальной силе эмира и уже имела договорённости с Францией по поводу Сирии; Хусейн, по сути, добивался субсидий от

Среднего Востока

Лондона, Парижа и Константинополя и решил начинать восстание только в момент, когда понял, что османы хотят от него избавиться. С точки зрения Лорана, Франция опиралась не только на традиционных союзников из числа маронитов в Ливане, но и на сирийско-палестинскую офрануженную городскую знать, в глазах которой «бедуинская династия» Хашимитов была «недоразвитой» и «вторгшейся в Левант». Лондон, со своей стороны, считал хашимитский «традиционализм» удобным инструментом в отношении арабских крестьянских масс, а городские элиты – слишком французскими и, следовательно, «бесхребетными». С точки зрения «англо-индийцев» и *Foreign Office*, предпочтительным было сохранить халифат османской династии, который властвовал бы над арабо-турецкой конфедерацией; согласно формуле Лорда Керзона, вице-короля Индии и министра иностранных дел Британии с 1919-го по 1923 г., это была бы «совокупность исламских государств» антирусского характера. В эту совокупность включалась также Персия, а во время Гражданской войны в России – ханства Центральной Азии.

Для Шимлы первоочередной военной целью являлось отделение османских провинций на территории современного Ирака, особенно провинции Басра, которую хотела заполучить Британская Индия. Согласно мемуарам Лорда Грея, либерального министра иностранных дел с 1916 г., дискуссии на Даунинг-стрит, 10, по поводу раздела османских владений «напоминали разговоры шайки пиратов» (D. Fromkin, *цит. пр.*).

В декабре 1916 г. с формированием правительства Дэвида Ллойд Джорджа, ранее министра войны, в Лондоне укрепилась линия «ориенталистов», сторонников расширения военных действий против османов (линия «западников», напротив, предполагала концентрацию сил во Франции). Лоран подчёркивает, что Ллойд Джордж не обманывался по поводу возможности вытеснить Германию со Среднего Востока, однако он считал, что этот военный театр не только предоставит больше территориальных приобретений, но и позволит «сохранить силы», чтобы получить больший вес в европейском балансе в момент мирных переговоров. Ллойд Джордж, набожный протестант, как и министр иностранных дел Артур Дж. Бальфур, считал, что Лондон предоставил слишком большие уступки Франции по соглашениям Сайкса – Пико и уж точно не мог уступить «Святую Землю безбожной и агностической Франции».

«Дверь надежды» Хаима Вейцмана

Фромкин пишет, что Марк Сайкс, человек «бурной фантазией» и сильными антисемитскими предубеждениями, непостоянный и считавшийся «новичком в дипломатии», особенно среди англо-индийских представителей, в начале 1917 г. познакомился с сионистским движением и посчитал, что поселение евреев в Палестине представляло бы наряду с арабским царством в Дамаске противовес французскому присутствию в Сирии. В Бальфуре же, как и многих представителях британского истеблишмента, пишет историк Лоренцо Камель, уживались глубокие антисемитские предубеждения и «религиозный протестантский просионизм»: «спасение» Палестины, то есть возвращение еврейства на библейские земли, помогло бы замыслу Мессии («*Terra contesa*», 2023).

Хаим Вейцман, химик английского подданства и глава британской организации сионистов, имевший крепкие связи с Сайксом, утверждал, что сионистское движение находило «в антисемитах своих лучших друзей». Отношения Вейцмана и Сайкса фактически открыли перед британскими сионистами «дверь надежды» в лице *Foreign Office* Бальфура. Значимость сионистской карты в глазах Лондона и Парижа выросла в результате двух факторов: русской Февральской революции 1917 г. и американской позиции.

Мишель Абитболь («*Histoire d'Israël*», 2024) считает, что и Англия, и Франция полагали само собой разумеющимся «сильное еврейское влияние» на Белый дом и Конгресс. В особенности они, как и Россия, рассчитывали на «еврейские банки Нью-Йорка», чтобы «финансировать войну». Американские евреи, однако, отказывались от любой помощи Антанте из-за «русского патологического антисемитизма» и проявляли «естественные симпатии к Центральным державам», откуда происходили «многие руководители американского цудаизма». Они придерживались «американского нейтралитета» и благодарили Германию и Австрию за то, что те «благоприятствовали евреям в Палестине» в отличие от репрессивных действий Константинополя. Из-за своего русского происхождения палестинские евреи считались ненадёжными в глазах османских властей, которые до того уже устроили в 1915–1916 гг. жестокую резню армянского меньшинства, этническую чистку на грани полного уничтожения, поскольку считали его «русской пятой колонной».

С 1914 г. в русские военные планы входила поддержка армянских, христианских и курдских восстаний против османского режима (Michael Reynolds, «*Shattering Empires*», 2011). Лондон до 1920 г. тоже рассматривал эту возможность, рассчитывая создать на османских территориях наряду с еврейским и арабским также армянское и курдское независимые государства. Абитболь пишет: поддержка сионистского движения также считалась возможным инструментом влияния на «еврейские революционные круги» в России и предотвращения сепаратного мира с Германией. Менее известным является тот факт, что образцом для декларации Бальфура послужила декларация мая 1917 г. Жюлья Камбона, генерального секретаря французского МИДа, согласно которой, Франция «обязывалась помогать – через покровительство со стороны союзных держав – возрождению еврейского народа» на землях, с которых «он был много веков назад изгнан». Париж, где еврейское сообщество особенно поддерживало сионизм, считал «циничной британскую игру» по поддержке «и евреев, и арабов», однако полагал важным «удерживать Россию в войне» и не видел преимущества в том, чтобы превратить сионистов, «возможных будущих победителей», в «непримиримых врагов» на границе с французскими владениями в Леванте.

Бальфур представил британскую декларацию 2 ноября 1917 г. не Вейцману, а Лайонелу Уолтеру Ротшильду, который возглавлял английскую ветвь династии финансистов и был запоздалым сторонником сионизма. Заявление Парижа, как пишет Абитболь, нужно было в том числе и для того, чтобы сломить противников сионистского движения внутри лондонского правительства в лице Лорда Керзона и Эдвина Монтэгю (1879–1924), госсекретаря по Индии и лидера либе-

ральной партии до 1916 г. Керзон считал, что переселение евреев нецелесообразно, потому что вызовет мусульманские протесты против Лондона; Монтэгю, сторонник ассимиляции евреев в британское общество, боялся вызвать подозрения в «двойной национальной верности» в ущерб диаспоре.

Османизм Бен-Гуриона

Лоран считает, что мировой конфликт вверг европейский сионизм, «международное движение», в «условия паралича», потому что его различные национальные компоненты были призваны на военную службу в своих странах, а также была осуществлена «пропагандистская мобилизация в отношении нейтральных стран». В видении Сайкса, сионизм мог служить «националистическим антитезой еврейскому интернационализму». Можно добавить, что режим Младотурок являлся выражением национализма внутри Османской империи; Лондон, напротив, считал его зависимым от международных еврейских финансов и масонства, что способствовало его пронемецкой ориентации (D. Fromkin, *цит. пр.*; S. McMeekin, «*The Ottoman Endgame*», 2015).

Среди сионистов в Палестине присутствовали проосманские симпатии. Давид Бен-Гурион не только поддержал революцию 1908 г., прошедшую с многочисленными манифестациями в Иерусалиме, чем вызвал беспокойство турецких и палестинских общин сефардов, испуганных тем, что энтузиазм русских иммигрантов нарушит их пятивековое сожительство с османским режимом. Он также предложил создать еврейское ополчение, чтобы сражаться против англичан, занимающих рекрутингом в Соединённых Штатах, где он поселился после того, как был изгнан из Палестины в 1917 году (Tom Segev, «*A State at Any Cost*», 2019). Впоследствии, как и его главный политический соперник и основатель правого сионизма Владимир Жаботинский, Бен-Гурион решил вступить в Еврейский легион в Палестине, сражаясь бок о бок с англичанами в 1918 г.

Проосманская симпатия Бен-Гуриона основывалась на убеждении в том, что Германия выиграет конфликт и что сотрудничество с Константинополем позволит добиться еврейского поселения в качестве одной из «народностей» империи. Кроме того, австро-немецкие войска, продвигавшиеся вглубь польских территорий России, освобождали еврейское население от антисемитских мер Санкт-Петербурга. В царской армии служило более 400 тыс. солдат-евреев, на которых командиры смотрели с подозрением из-за их языковой общности с еврейским населением австрийской Галиции – идиша, лингва франка с немецкими корнями (Jeffrey Veidlinger, «*In the Midst of Civilized Europe*», 2023).

Восхождение, упадок и переработка арабского национализма

Лондон опубликовал декларацию Бальфура 9–10 ноября 1917 г., то есть 2 дня спустя после взятия Петрограда большевиками; США вступили в войну в апреле; в декабре британские войска вошли в Иерусалим, сопровождаемые делегацией британских сионистов. Взятие города, названное Ллойд Джорджем «рождественским подарком британской нации», обозначило конец османского владычества в Палестине. Английская финансовая помощь арабскому восстанию составила 11 млн фунтов, или примерно 1,3 млрд долл. по текущему кур-

су, она олицетворялась фигурой Томаса Э. Лоуренса, «Лоуренса Аравийского» на языке пропаганды союзников, «крупного казначея» Лондона при Хашимитах.

Палестинская кампания, пишет Лоран, имела вторичное значение для конфликта: Ллойд Джордж, «великолепный знаток психологии масс», воспользовался её «символическим значением», чтобы поднять британский боевой дух, в то время как английские войска в Европе перемальвались в кровавом сражении при Пашендале. Дамаск пал 1 октября 1918 г.: учитывая, что город сдался подразделению австралийской кавалерии, Лоуренс организовал его «притворное взятие» Хашимитами, чтобы позволить Фейсалу провозгласить себя королём Сирии. 30 октября в Мудросе Османская империя подписала перемирие. Фейсал был единственным представителем арабов, поучаствовавшим в Версальской конференции, чтобы получить поддержку держав-победительниц. Вейцман тоже присутствовал на ней – чтобы поддержать дело сионизма.

И Париж, и Лондон выступали против участия делегаций колониальных стран на мирной конференции, потому что принцип самоопределения народов, продвигаемый президентом Вильсоном и использованный в качестве оправдания войны Францией и Великобританией, противоречил их собственному колониальному владычеству. Таким образом, на конференции в Париже не было никакой палестинской делегации, которая хотела бы поддержать идею включения Палестины в «большую Сирию», номинальное арабское королевство Фейсала. Мнение арабов не имело веса при рассмотрении соглашений Сайкса – Пико: на Палестину и Мосул заявил свои права Лондон, признавший французский контроль над Сирией и Ливаном.

Вопрос был урегулирован благодаря секретным соглашениям Клемансо – Ллойд Джорджа в конце 1919 г. и установлением мандатных режимов в Сирии и Палестине на конференции в Сан-Ремо в 1920 г. Это была вторая дипломатическая победа сионизма, учитывая, что в британский мандат переключались строки из декларации Бальфура. Лондон в 1918–1919 гг. рассматривал возможность передать мандат над Палестиной США. Эта гипотеза не подтвердилась в связи с невступлением США в Лигу Наций и их изоляционистским выбором. По мнению Илана Паппе, израильского антисионистского историка, американское отсутствие сделало из Лиги Наций «англо-французскую креатуру»: для арабов, в частности, палестинских, было невозможно добиться пересмотра британского мандата касательно поселения евреев, разве что если бы этого захотел сам Лондон («*The Rise and Fall of a Palestinian Dynasty*», 2010).

С июля по сентябрь 1920 г. Париж ликвидировал хашимитское арабское королевство в Дамаске и панарабские амбиции династии. В соответствии с «систематизацией 1922 года», возложенной на Уинстона Черчилля, Лондон снова воспользовался Хашимитами при создании так называемых «королевств династии Шерифов» Ирака, Трансиордании и Хиджаза, из которых они были изгнаны в 1924 г., потеряв Мекку и Медину, которые достались их соперникам Саудитам. Отделив Палестину от Трансиордании, Лондон фактически создал территорию сегодняшних Израиля и Иордании и одно из измерений «палестинского вопроса».

Гиганты Азии

Новую децентрализацию обсуждает и Шанхай

Сравнение тезисов протагонистов из Гуанчжоуского института региона Большого залива с концепцией «равновесия властей», которую продвигают школы Пекина, Гуандуна и Шанхая, подтверждает, что государственную оболочку китайской державы также можно исследовать с помощью марксистского критерия вариаций и градаций империалистической демократии, закономерности которой проявляются и в государстве китайского империализма.

Прежде всего, речь идёт об изучении однопартийного плюрализма или формально китайской многопартийной системы, если включить в неё восемь уполномоченных партий, которые предоставили несколько важных личностей и министров. В Китае существует множество государственных и политических надстроек и в любом случае присутствуют различные формы равновесия властей, в котором находит своё выражение плюралистическая политическая борьба правящего класса. Анализ этого плюрализма является плодотворным, даже несмотря на то, что он находит выражение внутри единственной партии-государства, поскольку позволяет нам определить расстановку сил и ключевые узлы в борьбе.

Во-вторых, речь идёт о возвращении китайского политического процесса к противостоянию действительных сил буржуазной фракционности, изучению их регионализации и интернационализации. Для марксизма, поскольку власть имеет реальную экономическую основу, именно плюрализм экономических сил рождает плюрализм сил политических. В этом смысле, пишет Черветто в известном отрывке из «Политической оболочки», равновесие властей является не чем иным, как «равновесием политических волей буржуазных фракций в рамках определённых специфических институтов»¹. Материалистически анализируемое противостояние в рамках «равновесия властей» в Китае, в рамках «определённых специфических институтов» китайской системы, является не абстрактным или академическим подтверждением политической закономерности, а эффективным инструментом анализа процесса централизации плюрализма сил, особенно когда равновесие властей в явном виде устанавливается через диалектику отношений региональных сил.

Баланс региональных толчков

Руководство Си Цзиньпина сталкивается с дилеммой социальной и политической реструктуризации, сопровождающей подъём Китая, и подчёркивает централистскую черту государства, но в то же время оно должно дать представительство некоторым крупным регионам, которые имеют вес в Политбюро ЦК КПК и поддерживаются экономическими и финансовыми силами, которые сейчас сопоставимы со средними азиатскими державами. Вопрос о балансе централизации, с которым сталкиваются такие крупные региональные силы, как Пекин, Шанхай, Гуандун и Чунцин, рассматривается Лу Мином в книге «Great Power Economics», опубликованной в 2023 г. Shanghai People's Publishing House.

Лу Мин, также входящий в состав правления Гуанчжоуского института, руководит Институтом народного хозяйства Шанхайского Университета Цзяотун, основанного в 1896 г. по инициативе первых

китайских модернизаторов – подражателей японской Реставрации Мэйдзи. Его анализ показывает связь политических линий «равновесия властей» с давлением регионов. Автор рассматривает специфику китайского государства, характеризующуюся «огромными масштабами» территории, «огромными региональными различиями» и вытекающими отсюда «институциональными проблемами». Роль государства в Китае часто обсуждалась без «глубокого понимания административных отношений между центральным правительством и местными органами власти», динамических отношений в китайской политике. Общий тезис таков: существует «маятник отношений между центром и местами», качнувшийся в направлении децентрализации в 1980-х и 1990-х гг., а затем вернувшийся к «центральной координации» и централизации в первые два десятилетия нового столетия. Лу Мин предполагает ещё два пятнадцатилетних цикла в 2035 и 2050 гг. – в ключевые даты подъёма Китая. Но сначала проследим за его реконструкцией.

Маятник централизации

«Становление динамических отношений между центром и местами требует времени и пространства». Автор напоминает о некоторых политических закономерностях государственных структур континентального масштаба, где равновесие властей обязательно включает в себя динамические отношения между территориальными властями, а сроки политического процесса растянуты из-за сложности их централизации. В Китае административная структура включает 34 образования провинциального уровня (автор включает Тайвань), 333 округа и 2844 уезда – это наиболее распространённые и древние единицы: требуется много времени, чтобы равновесие властей охватило движение «динамических циклов», даже если само направление – несмотря на борьбу и противоречия – может быть определено выбором центрального руководства и опережающей инициативой некоторых ключевых регионов.

В 2002 г. маятник политических отношений качнулся обратно от децентрализации и «локальной реконструктивности» к координации со стороны центра: «реформы» 1980-х гг. начались в прибрежных провинциях, и развитие неизбежно было несбалансированным. Однако, по мнению Лу, изменение баланса в сторону «одновременного развития нескольких регионов», а затем в сторону «западно-ориентированного развития» центрального Китая и Маньчжурии повлекло за собой неизбежную «потерю эффективности». На просьбу Пекина о том, чтобы южные и восточные провинции начали больше поддерживать внутренние районы, Гуандун ответил, представив «Зону экономического сотрудничества Южного Китая», простирающуюся до Сычуани и отделённую от Чунцина в 1997 г. В 2003 г. она приняла форму региона пан-дельты Жемчужной реки (Pan-PRD), включающего 9 провинций. В 2017 г. Гуандуном, Гонконгом и Макао была создана агломерация Большого залива.

Новый цикл суперпровинций

В исследовании Лу Мина маятник баланса сил приобретает определённые региональные коннотации: гипотеза возникновения южно-китайской зоны предстаёт как карта переговоров от-

КЛЮЧЕВЫЕ РАЙОНЫ 14-Й ПЯТИЛЕТКИ

носителем создания региона Большого Кантонского залива или, возможно, как слишком обширная инициатива, которая поэтому откладывается; Шанхай, кажется, опережает Кантон, а регион реки Янцзы оставался более свободным до 2019 г., в то время как в районе вокруг Пекина мало места для реконструкции; наконец, на горизонте остаётся регулярное контрдвижение Западного Китая, сегодня нацеленное на связку городов Чунцин – Чэнду. Инициатива провинций соответствует движению за рецентрализацию 2000-х гг., фактически завершённого Си Цзиньпином. Региональная динамика закладывает основы «нового цикла отношений».

Это может показаться удивительным, но, по словам Лу, с третьим мандатом Си Цзиньпина «маятник отношений между центром и местными властями начнёт смещаться в сторону децентрализации, открывая новый динамический цикл»: именно центральное руководство само «продвигает некоторые регионы, потому что они сами проявляют инициативу». В 14-м пятилетнем плане (2021-2025 гг.), продлённом до 2035 г., Восточному Китаю поставлена задача ускорить модернизацию, «использовать преимущества регионов Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй и дельты реки Янцзы» и «сосредоточиться на Большом заливе Гуандуна. Новый цикл децентрализации, по существу, предполагает более высокую степень централизации в трёх суперпровинциях Восточного Китая, хотя и Западный тоже упоминается. Неразрешённая диалектика синтеза плюрализма сил, в том числе и в китайской оболочке, сочетает в себе все движения централизации и децентрализации.

Внутренняя политика двойной циркуляции

Однако, столкнувшись с напряжённостью, вызванной консолидацией крупных региональных территорий, децентрализация нового цикла требует сильной «гарантии единого рынка со стороны китайской политической системы». Лу Мин даёт политическую интерпретацию «двойной циркуляции» – реформистской программы, которая связывает

развитие внутреннего рынка (внутренняя циркуляция) с подтверждением открытия Китая для импорта и экспорта товаров и капитала (внешняя циркуляция). Провинции, по своей природе, являющиеся «двойными представителями общих и локальных интересов», могут выражать «неизбежно частные» интересы и «отклоняться от общих интересов». Местные органы власти «предотвращают свободный поток факторов производства в другие регионы [...]. Именно поэтому центральное правительство предложило облегчить двойную циркуляцию, или внутреннюю циркуляцию против «локального протекционизма».

«Препятствия на пути свободного движения факторов производства», по существу, касаются «рынков труда, земли и капитала». Как и в других своих разработках, Лу также поддерживает отмену системы регистрации семей хукоу, поскольку она разделяет рынок рабочей силы и лишает части благосостояния перетекающее население – рабочих-мигрантов и «городское население, которое перемещается из одного региона в другой». Менее известный аспект касается рынка земли: «Количество земель, используемых для городского строительства, зависит от доли земель под застройку, выделенных с центрального уровня на местный». С 2003 г. большая часть квот досталась внутреннему Жёлтому Китаю, тогда как в прибрежных районах предложение земли сократилось. Только в 2016 г. правительство выдвинуло гипотезу о том, что увеличение объёма выделенных земель под городскую застройку связано с тенденцией поглощения мигрантов, тем самым связав реформу хукоу с земельной реформой. Неизбежно, что такое сочетание факторов ставит фискальный вопрос – основу любой централизации. Фактически, по мнению Лу, «фискальные поступления должны быть централизованы».

Lotta comunista, май 2024 г.

1 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2010. С. 45.

Сражение в телекоммуникациях

Новый взлёт Huawei

В прошлом году в мире был произведён один триллион полупроводников. Уложенные друг на друга, они превысили бы высоту полёта авиалайнера, сообщает Ассоциация полупроводниковой промышленности (Semiconductor Industry Association, SIA). Важность этого сектора экономики возросла в глазах общественного мнения в тот момент, когда нехватка полупроводников сказалась на мировом автомобилестроении в 2020–2021 годах: сокращение выпусков на миллионы автомобилей, задержки поставок и рост цен в конце концов привлекли всеобщее внимание.

Нефть XXI века, с оговорками

Пандемия и кризис поставок подчеркнули огромную географическую диспропорцию в физическом объёме производства микросхем, 80 % которого сегодня сосредоточено в Азии. В США и Европе начало формироваться ощущение настоятельной необходимости восстановления баланса, т.е. доведения производства в обоих по отдельности до 20 % от общемирового объёма.

Представляя в феврале 2022 г. планы европейского закона о финансировании новых заводов, еврокомиссар Тьерри Бретон заявил: «Микрочипы – это нефть новой промышленной революции. Без них невозможен ни цифровой, ни экологический переход» (*La Stampa*, 5 февраля 2022 г.). Год спустя ему вторил Крис Миллер, автор одной из самых известных книг об этой отрасли: «Полупроводники – это нефть XXI века, они абсолютно необходимы современной экономике» (*Figaro*, 19 апреля).

Стратегический вес микросхем не вызывает сомнений, как и их значение в военном производстве и развитии искусственного интеллекта (ИИ), но в экономических пропорциях они несопоставимы с нефтью. По расчётам SIA, мировой товарооборот производства полупроводников в 2022 году составлял 574 млрд долл., а к концу десятилетия он должен вырасти до 1 трлн, но в этом году сократиться до 515 млрд. Согласно «Oil and Gas Global Market Report 2023», мировой товарооборот в сфере добычи, переработки и распределения нефти и газа составляет около 7 трлн долл. В США экспорт нефти и газа, составляющий около 360 млрд долларов, в шесть раз превышает экспорт полупроводников.

Ожидается, что в 2023 году мировые доходы от продаж микросхем снизятся на 10 %, что объясняется их сохраняющей сильной связью с производством электроники, особенно бытовой. Инфляция, общая экономическая неопределённость и замедление темпов роста в Китае вызывают определённую осторожность в покупках, которые в связи с этим частично откладываются как компаниями, так и домохозяйствами.

Потребление падает, но Huawei вновь заявляет о себе

Мировые продажи персональных компьютеров сократились с 341 млн в 2021 году до 286 млн в 2022 году, т.е. на 16 %. Если в 2023 году продажи за первое полугодие будут повторены во втором, то годовой показатель снизится ещё на 20 %, до 228 млн штук. Продажи смартфонов в 2022 году снизились на 11 % (до 1,227 млрд штук), а в этом году снова упадут на 4,7 %. При этом на долю ПК, мобильных телефонов и

планшетов приходится 50 % потребления микросхем.

The Economist подсчитал, что в период 2020–2024 годов благодаря строительству заводов по всему миру мощности по производству полупроводников вырастут на 40 %. Однако, по оценкам *Nikkei Asia*, инвестиции десяти крупнейших компаний мира только в 2023 году сократятся на 16 %. Инвестиции в автомобильные чипы и центры обработки данных для искусственного интеллекта растут, но их относительный вес составляет лишь 20 % от общего объёма потребления полупроводников. В условиях частичной депрессии на рынке электроники инициатива компании Huawei, представившей новый смартфон высокого класса Mate 60 Pro, выделяется своей уникальностью. Китайская группа стремится вернуться в сектор, из которого она была, по сути, изгнана в результате мер, введённых администрацией Трампа в 2019 году.

Huawei под ударами санкций

Попробуем кратко описать сложившуюся ситуацию. Huawei – крупнейшая китайская телекоммуникационная группа. В 2012 году она обогнала Ericsson и стала лидером рынка сетевого оборудования и инфраструктуры, а в течение десятилетия стала глобальным игроком и на рынке смартфонов, продав в 2019 году более 240 млн штук и бросив вызов Samsung в борьбе за звание крупнейшего производителя. В том же году началась кампания администрации США против устройств 5G китайского производства. Обвинение состояло в том, что они могут использоваться Пекином как для промышленного, так и для политического шпионажа. Вашингтон запретил ввоз устройств Huawei в США и попросил своих союзников сделать то же самое.

Huawei также обвиняется в нарушении антииранских санкций и входит в список компаний, которым запрещено поставлять полупроводники с американскими компонентами и программное обеспечение, например, операционную систему Android.

Результаты представлены на графике. Общая выручка, пик которой пришёлся на 2020 год, вернулась к уровню пятилетней давности. Продажи бытовой электроники сократились вдвое, группа продаёт свой бренд мобильных телефонов Honor, сохраняя на этом рынке форпост, который не входит в пятёрку лидеров продаж даже на китайском рынке. На долю её смартфонов приходится всего 7 % внутреннего рынка, как и на операционную систему HarmonyOS, разработанную для замены Android.

В течение последних четырёх лет Huawei пытается диверсифицировать источники своих доходов. Группа имеет 100 тыс. патентов, заключила соглашения об обмене или уступке с выплатой роялти с Nokia, Ericsson, Samsung, Oppo, а также примерно пятнадцатью автомобильными концернами, включая BMW, Audi и Suzuki. 7 тыс. инженеров работают в компании над исследованиями в области подключённых к сети и самоуправляемых автомобилей. Товарооборот по этому виду деятельности пока относительно невелик и составляет около 1,3 млрд долл.

Наблюдается рост в сегменте бизнес-услуг, особенно в сфере облачных вычислений: компания занимает 18 % китайского рынка, второе место после Alibaba. Поддерживает Huawei прежде всего большой размер внутреннего рынка, вес которого вырос с 50 % от общего

товарооборота в 2017 году до двух третей в последней финансовой отчётности. Хотя и в меньшей степени, но страдают и международные заказы на сети 5G: всё больше западных стран ограничивают свои закупки. При этом объектом дискуссии являются будущие поставки в Германию, где 59 % антенн 5G в настоящее время имеют китайское происхождение.

Mate 60 Pro

В конце августа, во время визита в Пекин министра торговли США Джинны Раймондо (формально отвечающей за “чиповую войну” с Китаем), компания Huawei представила публике смартфон Mate 60 Pro. Это смартфон, поддерживающий работу 5G благодаря миниатюрному процессору с 7-нм (нанометровым) узлом. Этот уровень значительно ниже 14 нм – максимального, который, по мнению администрации Байдена, должен производиться в Китае.

Микропроцессор получил название Kirin 9000s, был разработан компанией HiSilicon (подразделение Huawei) и производится на предприятии SMIC (Semiconductor Manufacturing International Corp.) в Шанхае. Эта компания является первым в Китае заводом, где чипы производятся для сторонних заказчиков: из-за остракизма со стороны Запада она не располагает голландскими ультрафиолетовыми установками последнего поколения, однако справляется с производством нового чипа с помощью фотолитографических установок предыдущего поколения. Это длительный процесс, так как количество проходов кремниевой пластины многократно увеличивается, потребляется больше энергии, машины подвергаются большему износу, что приводит к увеличению доли брака в количестве производимых полупроводников. Процесс, таким образом, нерентабелен, но при наличии субсидий возможен, что даёт Huawei возможность бросить вызов.

Крис Миллер на страницах *Financial Times* (21 сентября) пишет, что «как только новый телефон появился на прилавках, Пекин объявил о новом фонде субсидий производителем чипов в размере 40 млрд долларов»; тезис эксперта состоит в том, что производство миллионов Kirin 9000 стало бы «настоящим достижением» SMIC и озна-

меновало бы реальную готовность Китая к автономному развитию в этой области.

Националистически настроенная *Global Times* пишет, что «в эпоху глобализации идея вытеснения китайских компаний из промышленной цепочки может встретить только сопротивление [...]». Возвращение Huawei к производству смартфонов после трёх лет вынужденного молчания должно быть достаточным, чтобы признать американскую попытку неудачной» (31 августа). Однако вопрос остаётся открытым.

По сообщениям *Nikkei Asia*, Huawei намерена в следующем году удвоить объёмы производства и довести его до 60–70 млн смартфонов, половину из которых будут составлять последние модели наиболее современного класса. Для достижения поставленной цели компания уже создала запасы необходимых компонентов.

Реальным препятствием для реализации этих планов является то, что из-за операционной системы HarmonyOS новые смартфоны Huawei пока ограничены китайским рынком. Здесь же работают Apple и китайские Vivo, Oppo и Xiaomi, использующие систему Android, т.е. в совокупности четыре из пяти крупнейших мировых производителей.

Стойкость Шанганьлина

Можно вспомнить слова основателя компании Huawei Рена Чжэнфэя, сказанные им в интервью “Синьхуа”. Шёл 2016 год, и, несмотря на быстрый рост компании, пока не сдерживаемый международными затруднениями, патриотические нотки всё равно звучали. На вопрос, почему компания не зарегистрирована на бирже, Рен ответил: «Если бы мы котировались на бирже, акционеры заставили бы нас выйти на самые прибыльные арены, чтобы получить десятки миллиардов прибыли [...] мы работаем ради идеалов и амбиций [...] идеалы – это стойкость подобная битве при Шанганьлине» (Ли Хунвэнь, “Huawei, основатель”).

Речь идёт о сражении, известном также как “битва за Треугольный холм”, которое произошло в Корее в 1952 году. 42 дня добровольцы китайской армии успешно сопротивлялись тщетным атакам американской армии.

Европейское Сопротивление

Норвегия и Дания: внутренние районы Третьего рейха

В период своего расцвета (1941–1942) нацистский рейх одел Европу в «платье Арлекина», по выражению Анри Мишеля, использованному в «La guerre de l'ombre» (1970). Были территории, включённые в состав Германии (Австрия, Судетская область, Эльзас и Лотарингия, Люксембург и другие); государства, находившиеся под её контролем, но с собственным управлением, поскольку они были «арийскими» (Нидерланды, Бельгия, Фландрия и скандинавские страны); страны-сателлиты в Восточной Европе (Румыния, Болгария, Венгрия, Словакия, Хорватия, а также Богемия и Польша); а Финляндия и Италия воевали бок о бок с Германией.

Учитывая, что, как утверждает Мишель, «нацизм не мог изменить структуру капиталистической экономики, но посредством серии национализаций мог направлять её функционирование», буржуазия оккупированных, а также нейтральных стран была включена в немецкую экономическую сферу, сохраняя при этом тайные каналы связи с противоположной стороной.

Норвегия и Дания в планах нацистов

В середине 1930-х гг., после очень жёсткой борьбы рабочих, в скандинавских странах консолидировались социал-демократические партии, и к началу войны они присутствовали в различных правительственных комбинациях, которые инициировали обширную политику реформ (Cole G. D. H. «A History of Socialist Thought: Vol. 5: Socialism and Fascism, 1931–1939», 1960). О Финляндии и Швеции мы расскажем в других статьях.

Что касается Норвегии, то в начале конфликта, в 1939 г., она объявила себя нейтральной, но контроль над ней был важен с точки зрения войны на море. По этой причине «защитить» её хотели и Англия, и Германия, и обе готовили её оккупацию, но немцы оказались быстрее. Король Хокон VII укрылся в Лондоне (за это многие его критиковали, считая, что он сбежал), выступая против оставшихся в Осло политиков, которые были более склонны к достижению соглашения с оккупантами.

Немецкая оккупация датской территории последовала позже, в 1940 году, но также была согласована на условиях, более или менее приемлемых для населения, – без принуждения к обязательным работам и с достаточным продовольственным пайком. Датское правительство, состоявшее из социал-демократов и левых либералов, осталось у власти со своим королём и даже армией, хотя и контролировалось полномочным представителем Германии.

Борьба в норвежских фьордах

Норвежская армия тайно создала консервативную Военную организацию (Milorg), что резко отличалось от поведения сталинистов, действовавших легально и до нападения Германии на СССР осуждавших деятельность Сопротивления как инспирированную провокаторами и «агентами британского шпионажа». Milorg держала сталинистов на расстоянии даже после июня 1941 г.

В рядах различных скандинавских социалистических партий не возникло своей особой левой, и даже Норвежская рабочая партия, первоначально присоединившаяся к III Интернационалу, что вызвало внутри неё раскол, к тому моменту давно вернулась на прежние

позиции. Коммунистические партии, зародившиеся как организации меньшинства, остались таковыми, даже когда превратились в придатки сталинистского аппарата. Анархисты гордились традицией профсоюзной борьбы, существовавшей в некоторых регионах, но их всегда тормозила собственная логика стихийности.

Таким образом, во время конфликта ни одна значительная организация левых социалистов или анархистов не проявила себя. После высадки в Нормандии Норвегия больше не была театром военных действий, хотя Milorg к этому готовилась; 350 тыс. немецких солдат остались заблокированы в стране, и переходный период 1945 г. прошёл без потрясений. Затем вернулся король.

Роберт Дж. Александер в своём обширном обзоре всех троцкистских групп в мире («International Trotskyism, 1929–1985», 1991) сообщает, что в Норвегии троцкистская группа была сформирована в 1937 г. вокруг газеты *Oktober*, на что повлияло в том числе присутствие Троцкого, для которого эта страна стала одним из мест эмиграции. Самой важной фигурой в этой группе была Жанетт Олсен, бывший член ЦК Коммунистической партии Норвегии. Во время войны троцкисты активно действовали внутри рабочего движения, особенно в профсоюзе строителей в Осло. Однако «наиболее значительную» роль они играли среди студентов университетов, демонстрации которых они несколько раз организовывали. Однако троцкистская группа вышла из конфликта истощённой и значительно сократившейся в численности.

Дания под контролем Третьего рейха

Дания управлялась очень автономно, но снабжала Германию ценной сельскохозяйственной и промышленной продукцией. Как утверждает Барбара Ламбауэр в статье «Un engagement pour l'Europe allemande: la collaboration» (см.: Aglan A., Robert Frank R. «La guerre mondiale 1937–1947», 2015), Дания, как и другие скандинавские страны, была для Берлина «образцовым протектором» для демонстрации на международной арене. Однако недостатка в

первых группах Сопротивления и первых жертвах не было, при этом позиция сталинистской партии не менялась до июня 1941 г.: в своих легальных газетах и на ещё разрешённых митингах она изображала участников Сопротивления «безответственными» или «агентами английского империализма», по сути, «предателями рабочего класса» (Peregalli A., «Il Patto Hitler – Stalin», 1989).

После вторжения Германии в СССР был сформирован Совет свободы под руководством социал-демократов и сталинистов, который тщетно пытался противостоять более организованному Сопротивлению военных, несмотря на то что приобрёл престиж, возглавив всеобщую забастовку в июне 1944 г. и подвергаясь жестоким репрессиям. Наконец, во время поездки в Москву датским сталинистам были разъяснены условия новых союзов Кремля и было заключено унитарное соглашение.

Троцкистская группа в Дании, возглавляемая Георгом Юнгкласом, с 1940 г. вместе с ядром молодых социал-демократов и группами студентов распространяла «одну из первых подпольных газет» *Arbejderpolitik*. Впоследствии издавалось периодическое издание *Klassekamp* и теоретический журнал *Marxisme*. Борьба троцкистов в рамках Сопротивления, опять же, по словам Александера, «была по существу политической». Они установили контакты с «нелегальными группами на заводах», возникшими в условиях «неадекватности официальных профсоюзов», оставленных в живых оккупантами.

Однако в июне 1944 г. «датскому троцкизму был нанесён сокрушительный удар»: члены небольшой группы, включая Юнгкласа, были арестованы и депортированы. После большой «народной забастовки» в июне 1944 г., когда в столице даже были возведены баррикады, оставшиеся троцкисты также были задержаны. Почти все «пережили войну, но в состоянии физического и психологического истощения, потеряв связь с рабочим движением».

Выборы в парламент и бомбардировки

Нацистский полномочный представитель Вернер Бест управлял Данией

относительно мирно и 23 марта 1943 г. даже разрешил провести выборы, на которых победили социал-демократы. По всей Европе немцы рассчитывали на реакционные партии и уступчивых бюрократов, а не на местные слабые и непопулярные «нацистские партии», которые стали их последним ресурсом, к которому они отчаянно прибегли только в момент, когда союзники стали сжимать Германию со всех сторон. Берлин принял на себя прямое управление Данией только в августе 1943 г.

В то же время, когда немцы разрешили провести электоральный ритуал, британцы намеренно бомбили верфи и рабочие кварталы, чтобы «напомнить датским рабочим, что их производство носит военный характер и приносит пользу немцам», пишет Оливье Вьевьорка в «Une Histoire de la résistance en Europe occidentale» (2017).

На протяжении всего конфликта всемирными правительствами неукоснительно проводилась линия, которую мы с полным основанием можем назвать «классовой»: от нацистов, бомбардировавших пролетарский лондонский Ист-Энд в 1940 г., до ужасных английских бомбардировок немецких городов и налётов американских летающих крепостей на итальянские фабрики и рабочие города или японские Хиросиму и Нагасаки, избранных в качестве цели атомного уничтожения, поскольку являлись цитаделями японского пролетариата. Конечно, цель состояла в том, чтобы нанести ущерб фабрикам и инфраструктуре противника, но в то же время все без исключения буржуазные правящие классы выполняли свою работу, нанося удары и терроризируя пролетариат, чтобы сломить его ядро.

Студенческое Сопротивление

Демонстрации, организованные студентами, подобные тем, о которых мы писали выше, произошли также во Франции, Нидерландах и в других странах. Борьба закончилась расстрелом молодых людей, возглавлявших мобилизацию, а также депортацией профессоров и тысяч студентов, которые зачастую впоследствии не возвращались. Это произошло в первые годы нацистской оккупации, потому что, когда союзники высадились на континенте, университеты были практически закрыты, а молодёжь вербовали под ружьё или на принудительные работы, что вынуждало группы активного Сопротивления укрываться в подполье. То же самое происходило и в Италии.

Мы, марксисты, знаем, что студенты не являются самостоятельным классом и принадлежат к классу своих родителей до тех пор, когда в конце учёбы не вступят в ряды существующих социальных классов. В то время высшее образование получали почти исключительно молодые люди из буржуазии и мелкой буржуазии. Таким образом, идеи, распространявшиеся в университетах, были либеральными, демократическими, патристическими.

Поэтому следует отметить, что жестокость борьбы вызвала во многих группах студенческой молодёжи стремление встать на сторону рабочих и занять революционные позиции, часто контрастирующие с унитарным национализмом сталинистов.

1944 год, демонстрация против немецкой оккупации в Копенгагене.

Страницы истории рабочего движения

Социал-демократия и Weltpolitik

Возвышение Германии до великой державы заставило социал-демократию заняться вопросом Weltpolitik, мировой политики.

Выстраивание глобальной проекции немецкого капитала сопровождалось дискуссией по колониальному вопросу. По словам Франца Меринга, Бисмарк «почти против своего желания [позволил] вовлечь [себя] в колониальную политику, жалкие результаты которой стояли в обратном отношении к тому шуму, с которым она была начата»¹. Тот факт, что в 1884 г. он выбрал заморские завоевания, продвигаемые Берлинской конференцией, посвящённой разделу Африки, объясняется прежде всего потребностями политики баланса сил в Европе, а также внутренней и экономической политики. Серджио Романо отмечает, что Бисмарк использовал Африку, чтобы выиграть время для восхождения Германии в Европе. Он «использовал Африку всякий раз, когда пытался дешево купить дружбу Франции. Он не верил в колонии и любил повторять, что его Африка находится в Европе: «Вот Россия, вот Франция, а мы посередине. Это моя карта Африки» (*«Disegno della storia d'Europa»*).

В мае того же года в рейхстаг было внесено предложение о финансировании торгового флота для открытия новых линий через Суэцкий канал и Индийский океан из Гамбурга в Гонконг, Японию, Сидней и на острова Самоа. Открытие этих торговых направлений должно было сопровождаться откровенно колониальными притязаниями в Того, Камеруне, Намибии и Восточной Африке.

Социал-империалистический дистиллятор

В книге *«Socialdemocrazia e imperialismo»* историк Франко Андреуччи говорит о «зрелости и раскрытии позиций, которые во всей своей полноте прояснятся между 1884 и 1885 годами по случаю дискуссии по колониальным вопросам, которая поставит [социал-демократическую] партию на грань раскола».

В этих дискуссиях 1880-х гг. автор видит инкубатор крупных баталий: «Стоит задуматься о том, что после августа 1914 года, в процессе самых горячих дебатов внутри немецкой социал-демократии, Каутский в качестве прецедента, наиболее схожего с расколом, произошедшим в партии в начале Первой мировой войны, указывал именно на дебаты 1884 года о колониальном вопросе и финансировании судоходных компаний».

Бисмарк представил финансирование флота как часть социальных реформ, проводимых параллельно с принятием Исключительного закона против социалистов. Подъём судостроения обещал рост занятости в этом важнейшем секторе, от которого зависело множество мелких отраслей промышленности, а потенциальное расширение международной торговли могло дать дивиденды на внутреннем фронте. «Всё это, – комментирует Андреуччи, – не могло не вернуть в повестку дня немецкой социал-демократии проблемы [...] социальных реформ и государственного социализма».

Sozialdemokrat и Berliner Volksblatt

В ходе разногласий цюрихская редакция *Sozialdemokrat* противостояла большинству парламентской группы,

которая выражала своё мнение в *Berliner Volksblatt*, возглавляемой депутатами Вильгельмом Блосом и Вильгельмом Газенклевером. Расхождения в позициях были связаны не только с различным правовым положением двух газет – первая была нелегальной и печаталась за границей, а вторая оставалась легальной и подчинялась антисоциалистическому законодательству, – но и отражали тенденцию к оппортунизму, к которому в целом была склонна парламентская фракция.

Berliner Volksblatt, как и сам Бисмарк, проводила различие между финансированием флота и колониальной политикой, а также поддерживала правительственный проект по строительству трансокеанских линий, оправдывая это «экономическими потребностями» Германии. Известный издатель и партийный деятель Иоганн Г. В. Дитц занял такую же позицию в *Sächsisches Wochenblatt*: «Это правда, что капитализм претендует на львиную долю доходов от производства и что рабочий класс, напротив, получает относительно ограниченное преимущество, но количество рабочих мест растёт, безработица снижается и, таким образом, предотвращается падение заработной платы. Ясно, что тот факт, что капитал забирает львиную долю, не может быть устранён простой национализацией, но верно и то, что государство обязано регулировать производство и потребление».

Умеренная критика, выдвигаемая берлинской газетой, ограничивалась моральным осуждением или применяла лассальянский подход, как в своём национальном видении, так и в призыве к государственному вмешательству: «[Нет] необходимости вести немецкую рабочую силу в зарубежные страны, в Германии можно было бы создать рабочие места для безопасности и пользы народа», – писала *Berliner Volksblatt* от 20 апреля 1884 г. Андреуччи цитирует письмо Бернштейна и Каутского Энгельсу от конца мая: «Блос руководит *Berliner Volksblatt* так, что Бисмарк был бы дураком, если бы запретил её. Их единственные «враги» – либерализм и манчестерская школа. [...] Естественно, они рекламируют государственную промышленность, государственные железные дороги, «зуманные» трудовые колонии и т. д. и т. д.».

Вмешательство Энгельса

Подробному изложению позиции Энгельса по колониальному вопросу мы посвятим отдельную статью. Пока же отметим, что его видение было органично вплетено в стратегию «непрерывной революции»², основанную на применении классового критерия и на перспективе революции в Европе.

Что касается тактики в Германии, в разгар борьбы по поводу антисоциалистических законов, Энгельс рекомендовал избегать раскола партии, тем более что расширение торговой сети является объективным фактом капиталистического развития.

Оппозиция в парламенте касалась буржуазного грабежа и защиты классовых интересов. 30 декабря 1884 г. Энгельс писал Августу Бебелю, что «[принципиально] надо было голосовать против» финансирования, но компромиссным решением могло бы быть голосование «за», но выдвигая «условия [на которые] правительство не сможет

пойти»: «За каждый миллион, который вы прямо или косвенно дарите буржуазии из рабочей мощи, рабочие тоже должны получить миллион»³. В самом деле, был бы «невероятный позор перед всем миром, если буржуазия [получила бы] дотацию благодаря вашим голосам и при том без возмещения!»⁴. В конце концов, в этом даже не возникло необходимости, потому что линия *Sozialdemokrat* смогла заставить всю парламентскую фракцию проголосовать против.

Энгельс также подчёркивает внутренний аспект колониальной политики Бисмарка. Бебелю, который сообщил, что правительственная пропаганда мало повлияла на массы, Энгельс ответил 11 октября 1884 г.: «Я очень рад, что колониальная афера не удаётся. Это был самый сильный козырь Бисмарка, отлично рассчитанный на психологию филистера, сулящий призрачные надежды и чреватый невероятной тяжёлостью, очень медленно окупающимся затратами»⁵.

Михаэль Штюмер подтверждает, что колонии «остались бездонными бочками», и добавляет: «Вскоре также стало ясно, что колонии не могут преодолеть пределы центрального положения Германии в Европе» (*«Das ruhelose Reich»*).

Weltpolitik и империализм

В 1890-е гг., на пороге империалистической эпохи, заокеанская гонка изменила свои черты по сравнению с эпохой Бисмарка. Историк Генрих А. Винклер в своей *«Der lange Weg nach Westen»* отмечает, что после завоеваний в Китае 1897 г. и новых приобретений в Тихом океане 1898–1899 гг. Вильгельм II, Бюлов и Тирпиц использовали «знамя мировой политики» во имя немецкой державы, способной бросить «вызовы, направленные на глубокое изменение международного баланса сил».

По мнению историка Пьера Гроссе (*«L'histoire du monde se fait en Asie»*), именно вторжение Германии в Азию в 1897 г. спровоцировало «грабительское нападение на северный Китай», ставшее одной из причин первой мировой войны.

В центре работ Энгельса в его последние годы находилось глобальное развитие капитализма и надвигающаяся мировая война. Оживлённые дебаты велись и в среде правящего класса.

Юнкера и буржуазия

В мае 1895 г. Макс Вебер в речи во Фрайбургском университете выразил сожаление по поводу политической незрелости немецкой буржуазии, которая делегировала задачу по национальному объединению Бисмарку. Даже когда упадок экономической мощи юнкеров позволял немецкой буржуазии лишить их политического влияния, она не проявила необходимого инстинкта власти. Винклер комментирует: «Инструментом преодоления такой убогости стало возвращение в области мировой политики модели по образцу старых великих держав, таких как Англия и Франция». По мнению же Вебера, «отправной точкой политики немецкой мировой державы» должно было стать объединение Германии.

Канцлер Лео фон Каприви признавал необходимость перехода от аграрной страны к индустриальной: «Мы должны экспортировать», – заявил он 10 декабря 1891 года в рейхстаге, подчёркивая контраст между консерваторами и аграриями. Винклер пишет, что «[при-

мерно] в конце века была обнаружена система, которая обещала урегулирование конфликтов экономических интересов» и утверждение крупных групп в тяжёлой промышленности, судостроении, торговле и экспортном секторе, – «морская политика».

Отцом этой политики стал контр-адмирал Альфред фон Тирпиц, олицетворявший модернизацию, так необходимую крупному капиталу. И, действительно, пишет Винклер, со времени революции 1848 г. «существовала широко распространённая тенденция рассматривать военный флот как вооружённое крыло торгового флота и, следовательно, как «буржуазное» оружие, далёкое от аристократической армии».

Тирпиц и социал-демократия

Масштабная реструктуризация флота, которой желала император и Тирпиц, «означала, прежде всего, создание наступательных возможностей и поэтому грозила отрицательно повлиять на отношения с главной морской державой – Великобританией».

«Однако в то же время, – замечает Винклер, – строительство флота было направлено и против внутреннего врага – социал-демократии». В конце 1895 г. Тирпиц писал главе имперского адмиралтейства генералу фон Штошу, что Германия должна перейти к мировой политике, «и не в малых масштабах, так как в новых великих национальных задачах и в связанных с ними экономических прибылях найдётся сильный паллиатив против социал-демократов». По сравнению с попыткой создать санитарный кордон, маргинализирующий социал-демократов среди парламентских сил, путь Тирпица был более реалистичен и эффективен, учитывая, что СДПГ на тот момент являлась крупной массовой партией: кооптировать социал-демократов в широкий буржуазный консенсус, которого предполагалось достичь благодаря дивидендам, предоставленным Weltpolitik.

Джонатан Стейнберг в книге *«Yesterday's Deterrent»* отмечает, что военно-морской флот «был единственным национальным учреждением, которое не было испорчено прусскими ассоциациями, оно было индустриальным, сильным и прогрессивным. Тирпиц открыто ладил с социал-демократами».

Таким образом, в то время как Энгельс пытался привить социал-демократию от вируса оппортунизма и сделать её партией революции против капиталистической войны, представители господствующих классов действовали в противоположном направлении, разжигая тенденции, которые на практике проявятся сначала в ревизионизме Бернштейна, а затем приведут к тому, что II Интернационал совершит предательство в начале первой мировой империалистической войны.

Lotta comunista, июнь 2023 г.

1 – Меринг Ф. История германской социал-демократии. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». Выпуск восьмой, 1896. С. 5. С. 251.

2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 7. С. 91.

3 – Там же. Т. 36. С. 224.

4 – Там же. С. 225.

5 – Там же. С. 185.

Молодёжь на потребление

Не прошло и недели с 28 апреля, Всемирного дня охраны труда, и Первого мая, который всегда был посвящён вопросам условий труда. И вновь пять смертей в Кастельдачча на Сицилии: от паров сероводорода погибли рабочие, обслуживавшие канализацию.

Это ещё одно массовое убийство, вслед за пятью погибшими рабочими в августе прошлого года в Брандиццо в Пьемонте, выполнявшими ремонтные работы на железнодорожных путях; ещё пятью, погребёнными под цементом в феврале на стройке во Флоренции; и ещё семью погибшими в апреле на электростанции Барги в Болонье.

Такие разительные события INAIL, Национальный институт страхования от несчастных случаев на производстве, называет «множественными несчастными случаями». В 2023 году их было зарегистрировано 15, с 36 жертвами. Но смерть на производстве – это ежедневная трагедия: три человека в день, более тысячи в год, и так было с начала века, хотя и с перепадами.

“Умирают ради прибыли”

Каждый случай имеет свою специфическую предысторию. На Сицилии, например, сработало человеческое стремление прийти на помощь товарищу, оказавшемуся в трудной ситуации, что привело к созданию цепочки, затянувшей почти всю бригаду на верную смерть. Это не единственный случай, когда солидарность между рабочими привела к столь трагическому исходу.

Однако если смотреть за рамки конкретных обстоятельств, именно регулярность подобных случаев даёт понять, что дело не в самом факте: в основе лежит сама природа капиталистической системы. На это указал и инспектор труда, допрошенный после трагедии во Флоренции: «Они умирают ради прибыли» (*La Repubblica*, 18 февраля). Скажем больше: это логика капитала, который ради сиюминутной выгоды идёт на действия, которые дорого обходятся самому капиталу, в том числе в виде потерянных рабочих дней и, следовательно, потерянного производства. Это логика, руководящая цепочками подрядов и субподрядов, выстроенных именно для того, чтобы как

можно быстрее увеличить прибыль. Вот только после каждой трагедии неизменно начинается поиск «корректировочных мер».

“Право на жизнь”

Цена, которую платит капитал, во всяком случае ничто по сравнению с той, которую платит наш класс. Арриго Черветто указал на это в ноябре 1974 года: «На заводах и стройках рабочие продают не только свою рабочую силу, но и право на жизнь. Чем больше усиливается эксплуатация, тем длиннее рабочий день, тем больше сверхурочных и тем больше несчастных случаев на производстве» (*“Opere”*, т. 28). Пятьдесят лет спустя эти причины “несчастных случаев” по-прежнему остаются самыми распространёнными.

И назвать их несчастными случаями – это, мягко говоря, преуменьшение. Черветто пишет в августе 1978 года: «Есть война, о которой никто никогда не говорит: это война, в которой ежедневно гибнут тысячи рабочих по всему миру. Они гибнут из-за того, что буржуазный эфемизм называет случайностью, но что Маркс, давая меткое научное определение, называет “изнашиванием рабочей силы”. На самом деле это не вопрос удачи или неудачи, а плод способа производства, основанного на эксплуатации, который по своей природе отнимает энергию, время, а иногда и жизнь подчинённых» (там же).

От пандемии до бонусов

В бюллетене INAIL за январь 2024 года сообщается о 1.041 смертельном случае на производстве в Италии в 2023 году. Это зарегистрированные случаи, но, по оценкам самого института, с учётом тех, которые «замолчали», речь может идти о почти 1.500 смертей (*Avvenire*, 7 января). Официальная цифра демонстрирует снижение на 4,5 % по сравнению с 2022 годом, но только за счёт сокращения (зарегистрированных) смертей в дороге, то есть по пути от дома до места работы: смертность на рабочем месте, напротив, выросла на 1,1 %.

О динамике можно судить по двум цифрам. Первая – рост числа смертей на стройках (+25 %): за подъём в сфере строительства, во многом обусловленный потоком бонусов, тем самым платят и наёмные работники. Второе – снижение числа жертв среди женщин (–28 %): это обратная сторона выхода из самой острой фазы пандемии Covid, от которой больше всего пострадали работницы, будь то медсёстры, кассирши или сиделки.

Если и есть в этом мораль, то она заключается в том, что в “маленькой войне” смертей на рабочем месте жертвы будут всегда: вследствие заражения во время закрытия (частичного) предприятий или в результате “несчастных случаев” при восстановлении экономики.

Весь мир на одной стройке

Один из аспектов, который следует рассмотреть немного подробнее, – это доля иностранных рабочих в данном анализе. Флоренция стала показательным примером: «Это Вавилон. Там были магрибинцы, выполнявшие менее квалифицированную работу [...] там были румыны [...] там были итальянцы. И пойдите разберитесь кто ещё». «Палестинцев я видел, и несколько албанцев», – рассказы

СУТЬ МОМЕНТА

Будущее за молодыми – это избитое клише, набившее оскомину, но какое будущее на самом деле ждёт новые поколения в этом обществе капитала? Что касается войны на Украине и войны в Газе, то ответ уже дан и трагически очевиден. Это смерть в окопах Донбасса российских и украинских призывников, убийство 7 октября от рук террористов-фанатиков не менее 1200 человек в кибуцах – как израильтян, так и филиппинских или тайских иммигрантов, – массовое убийство более 35.000 палестинцев в городах Газа или Рафах, включая тысячи детей и подростков, для которых больше нет никакого будущего.

Но в ЕС, в европейском империализме, пытающемся построить Европу-державу? Французская *Le Monde* с упреком отмечает, что на Украине возраст для отправки на передовую был снижен с 27 до 25 лет, а средний возраст бойцов составляет 40 лет. В других странах в случае конфликта законы разрешают мобилизацию с восемнадцати лет. На войну отправляют самых молодых, в лучшей форме, которые, как правило, «меньше боятся сражаться и умирать». Британская *Financial Times* призывает пересмотреть либеральный миф, иронизируя: на войну идут за родину или за свободу, никто не хочет «сражаться и умирать» во имя «международного порядка, основанного на правилах». Один генерал со страниц немецкого *Der Spiegel* удивляется по поводу сенсационного бескорыстия и решимости некоторых радикальных экологических активистов. Он хочет завоевать их на свою сторону. Бундесверу нужны молодые люди, готовые идти на войну за свои убеждения и за «нашу систему ценностей»; люди, готовые «убивать и быть убитыми, если потребуется».

Вот что витает в воздухе. Война на Украине демонстрирует, как много по-прежнему значат массы людей, которые будут отправлены на убой; будущее, обещанное молодёжи Европой-державой, – быть рекрутами, потребляемыми в окопах, в качестве расходного военного материала.

В новые времена кризиса порядка поднимается волна идеологий империализма и националистического фанатизма, которыми они хотели бы набить мозги молодёжи, чтобы завербовать её в смертельные конфликты. Восстановление интернационализма – трудная задача, но это единственный путь к будущему, отличному от варварства.

вают очевидцы (*La Stampa*, 18 февраля). Из пяти погибших – один итальянец, один тунисец и три марокканца.

В целом, из 1.041 официальной жертвы в 2023 году было 204 иностранца, почти 20 %, то есть вдвое больше, чем их доля от общего числа рабочих в Италии. И это без учёта неофициальных смертей.

Рискам, которым подвергается эта часть нашего класса, INAIL посвятил бюллетень в апреле 2023 года, содержащий данные за 2021-й. В том году количество несчастных случаев сократилось на 2,4 % среди итальянцев, но увеличилось на 3,1 % среди иммигрантов. С 2017 по 2021 год доля иностранцев в общем количестве несчастных случаев выросла с 15 до 18 %.

Экономисты Тито Боэри и Роберто Перотти (*La Repubblica*, 1 марта) отмечают, что в Италии смертельные случаи на производстве происходят на 40 % чаще, чем в среднем по Европе, и «конечно, здесь не помогает огромное количество малых предприятий, появившихся благодаря допину в виде супербонусов». Ну а в этом общем среднем показателе иммигранты «более чем в два раза чаще попадают в аварии со смертельным исходом, чем итальянцы». В январе 2024 года, по подсчётам *Il Sole-24 Ore* от 22 марта, это соотношение составило три к одному.

Причины такой разницы хорошо известны, и сама INAIL их озвучивает: «Часто эта [иммигрантская] рабочая сила занята в особенно тяжёлых и рискованных, ручных и монотонных видах деятельности». И уточняет: «Профессии,

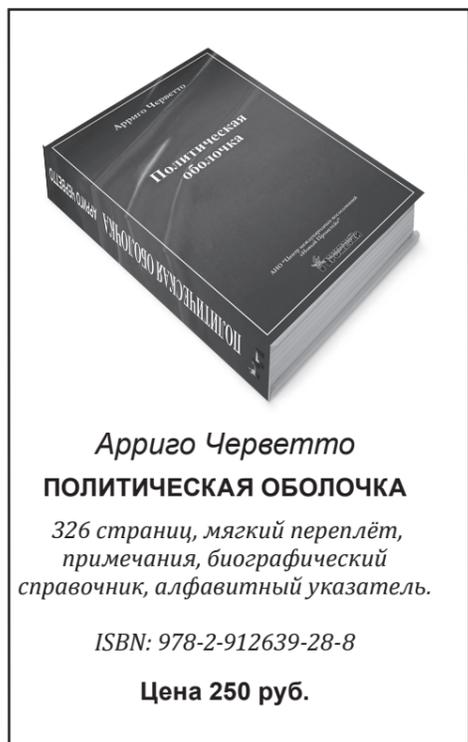
на которые поступает больше всего жалоб, среди мужчин – носильщики, водители тяжёлых транспортных средств, каменщики, работники упаковочных и складских помещений, рабочие в гражданском строительстве». Эти случаи составляют одну треть от общего числа для иностранцев против 12,6 % для итальянцев. Что касается женщин, то «мы встречаем работниц здравоохранения, включая медсестёр и акушерок, работников личного ухода, уборщиц, работников коммерческих служб и помощниц по дому (47 % от общего числа [случаев] для иностранных женщин)».

“Классовая война”

Есть трагическая ирония в том, что эти рабочие, покинувшие свою родину, чтобы улучшить качество собственной жизни, в итоге улучшают нашу жизнь за свой счёт.

При этом нельзя полагать, что наиболее квалифицированные работники не подвержены риску: электростанция в Барги свидетельствует о том, что инженеры и техники также могут оказаться в числе жертв. Весь наш класс вовлечён в эту «войну». Черветто вновь напоминает нам (март 1974, *“Opere”*, цит. соч.): это «классовая война на фронте эксплуатации, война, введущаяся не двумя вооружёнными армиями, а между теми, кто владеет средствами производства, и теми, кто вынужден ради жизни отдавать свою рабочую силу с риском для самой своей жизни».

Lotta comunista, май 2024 г.

Два пути к бомбе

6 августа 1945 года США сбросили на Хиросиму бомбу, содержащую обогащённый уран (U-235), мощность которой была эквивалентна 12,5 тыс. т тротила. В момент взрыва температура достигала 60 млн градусов, что в 4 раза выше температуры в центре Солнца. Было разрушено 60 тыс. зданий, в одно мгновение умерли 70–80 тыс. человек, в последующие 5 лет радиация погубила 200 тыс. человек.

9 августа на Нагасаки была сброшена плутониевая бомба (Pu-239) мощностью 22 тыс. т тротила, что привело к смерти 70 тыс. человек, а спустя 5 лет число погибших возросло до 140 тыс. человек.

Альтернатива обогащённому урану

Плутониевая бомба, сброшенная на Нагасаки, имела тот же тип, что и первая ядерная бомба, испытанная 16 июля 1945 года неподалёку от Аламогордо (шт. Нью-Мексико). Процесс её изготовления был отличен от производства урановой бомбы, разрушившей Хиросиму. После 1941 года про альтернативу обогащению урана для производства атомной бомбы знали и американские, и немецкие учёные.

17 июля 1939 года ученик Нильса Бора (1885–1962) Карл Фридрих фон Вайцзеккер (1912–2007), сын видного дипломата, передал в германское управление по снабжению войск пятистраничный документ, озаглавленный как «Возможный метод получения энергии из U-238» (Jeremy Bernstein, *“Plutonium”*, 2007). Теоретически было показано, что совершенно новое вещество, полученное в ядерном реакторе на природном уране U-238, может быть использовано как взрывчатка. В отличие от англосаксонских коллег Вайцзеккер называл его не плутонием, а «элементом 93» по его атомному номеру, допуская, что это может быть «элемент 94» (Робер Юнг, «Ярче тысячи солнц», 1961).

Об этом пока ещё гипотетическом для немецких физиков веществе Вернер Гейзенберг (1901–1976), лидер немецкой теоретической физики, говорил на конференции 26 февраля 1942 года, где присутствовали и высшие военные чины Германии: «Как только такая машина (реактор) придёт в действие, вопрос о добыче взрывчатки, по мысли Вайцзеккера, примет новое направление. При трансмутации урана в машине возникает новое вещество – элемент 94, который, скорее всего, как и ${}_{92}U^{235}$, обладает невообразимой взрывной силой. Это вещество гораздо проще получить из природного урана, чем ${}_{92}U^{235}$, и в любом случае оно может быть отделено от урана химическим путём» (J. Bernstein, *op. cit.*). Элемент 94 – плутоний, а «такая машина» – ядерный реактор на природном уране U-238 и тяжёлой воде.

Все попытки Германии захватить норвежскую тяжёлую воду следует рассматривать в свете этого факта. На природном уране U-238 можно построить ядерный реактор, используя в качестве замедлителя тяжёлую воду и графит. Не имея в наличии чистого графита, немецкие физики отказались от этого пути, по которому пошли американцы.

В июне 1941 года Германия начала операцию «Барбаросса» против СССР, а так как в 1942 году наступление забусовало и требовало неисчислимых ресурсов, то инвестиции в атомную энергетику стали второстепенными для немецких военных. Когда Германия отказалась от

гонки за атомной бомбой, США ускорили свои ядерные программы.

Плутоний

То, что для фон Вайцзеккера было теорией, у американцев имело экспериментальное подтверждение. В Германии не было циклотрона – машины для ускорения частиц. В США он был создан в Национальной лаборатории имени Лоуренса при Калифорнийском университете в Беркли.

В августе 1939 года Нильс Бор (1885–1962) и Джон Уилер (1911–2008) предположили, что побочный продукт деления урана с атомным номером 94 обладает высокой способностью к делению. 27 мая 1940 года Эдвин Макмиллан (1907–1991) и Филипп Абельсон (1913–2004) открыли новый элемент – нептуний (Np, атомный номер 93), полученный в результате нейтронной бомбардировки U-238 в циклотроне Калифорнийского университета в Беркли. Если бы теория трансмутации Бора – Уилера была верна, то Np-93 распался бы на новый продукт с атомной массой 94. 26 февраля 1941 года в том же университете Гленн Т. Сиборг (1912–1999) и Артур Ч. Валь (1917–2006) на циклотроне продемонстрировали существование этого нового элемента с атомным номером 94 и в 1942-м назвали его плутонием (Pu) по протоколу наименования элементов в честь планет (уран в честь Урана, нептуний в честь Нептуна, плутоний в честь Плутона).

18 мая 1941 года, менее чем через 3 месяца после открытия, Сиборг и Эмилио Сегре (1905–1989) заключили, что Pu-239 в 1,7 раза более делим, чем U-235, и потому больше подходит «в качестве ядерного взрывчатого вещества» (*“Hanford site historic district”*, US Department of Energy, 2003).

После нейтронной бомбардировки в ядерном реакторе U-238 (атомный номер 92) превращается в U-239, который за 20 мин. самопроизвольно трансформируется в Np-239, а затем в Pu-239 (атомный номер 94). Это открытие позволило найти метод создания атомной бомбы, альтернативный обогащению U-235.

Чикаго – Хэнфорд

После вступления США в войну в декабре 1941 года работы по созданию атомного оружия сильно ускорились по двум основным направлениям: чтобы увериться в успехе, они «одновременно вели работы по [получению] плутония и обогащению урана» (*“Hanford site historic district”*, *op. cit.*). Построенная в январе 1942 года в Чикаго Металлургическая лаборатория под руководством американского физика Артура Комптона (1892–1962) объединила нью-йоркскую группу Энрико Ферми (1901–1954) и Лео Шилларда (1898–1962) с группой Сиборга из Беркли.

Комптон считал, что при двухмесячном доступе к тяжеловодному реактору с мощностью 100 тыс. кВт немцы получат достаточно плутония для производства 6 атомных бомб уже к концу года. Эта перспектива пугала англичан и американцев. Металлургической лаборатории предстояло выполнить две задачи: с одной стороны, установить, возможна ли цепная реакция с использованием природного урана и графита; с другой – разработать химический метод выделения плутония для создания бомбы в течение 3 лет (Bertrand Goldschmidt, *“Le rivalité atomique”*, 1968).

20 августа 1942 года Сиборг разработал методику химического выделения плутония из урана в промышленных масштабах, а второго декабря Ферми осуществил первую управляемую цепную реакцию в реакторе на природном уране с графитовым замедлителем. Были заложены теоретическая и экспериментальная основы для перехода к этапу индустриализации плутониевой науки. Местом расположения объектов был выбран город Хэнфорд на реке Колумбия, штат Вашингтон.

Возникло ощущение срочности: считалось, что немцы могли начать свой проект в 1939 году, когда открыли деление и что они могут опережать англичан и американцев. Союзники знали, что немцам нужна норвежская тяжёлая вода, единственным применением которой могло стать создание реактора на природном уране. Американцы пришли к выводу, что немцы знали о плутонии и планировали производить его с помощью реактора на тяжёлой воде (J. Bernstein, *op. cit.*).

В апреле 1943 года была создана Лос-Аламосская национальная лаборатория для разработки и создания ядерного оружия с применением делящихся материалов: обогащённого урана, поставляемого с предприятый в Ок-Ридже (шт. Теннесси), и плутония из Хэнфорда (шт. Вашингтон).

Хэнфордский комплекс

Несмотря на то, что до второй мировой войны Германия и Великобритания имели научное превосходство над США, именно последние первыми смогли конвертировать науку в промышленную мощь. Диана Престон в книге *“Before the Fallout: From Marie Curie to Hiroshima”* (2005) пишет, что перед высадкой в Нормандии в июне 1944 года ядерная физика стала «большой наукой и большой инженерией»; ни одна другая страна не могла повторить проект «Манхэттен», стоивший 2 млрд долл. в ценах того времени и привлёкший 130 тыс. человек. За несколько лет на основе физической теории США смогли создать индустрию, по масштабу сопоставимую с автомобильной.

Объекты в Хэнфорде были построены и эксплуатировались химической компанией DuPont с привлечением 45 тыс. сотрудников. 13 сентября 1944 года Ферми ввёл первые ядерные топливные элементы в хэнфордский реактор В. К 26 сентября был собран самый большой в мире ядерный реактор, а 13 апреля 1945 года установка была полностью введена в эксплуатацию.

В декабре 1942 года мощность первой цепной реакции в «поленнице» Ферми составляла 2 Вт; первый реактор в Хэнфорде был в 100 млн раз мощнее. Целью проекта было не получение энергии, а добыча достаточного количества Pu-239 в качестве альтернативы U-235 для производства ядерного оружия.

Как и в первом реакторе Ферми, в Хэнфорде использовался природный уран U-238 и в качестве замедлителя графит. Огромное количество выделяемого тепла было рассеяно в водах реки Колумбия. Тепловая мощность первого хэнфордского реактора составляла 250 МВт, а производительность – 100 кг плутония в год (для бомбы достаточно 6 кг). Первую плутониевую бомбу испытали 16 июля 1945 года неподалёку от Аламогордо, в пустыне штата Нью-Мексико. Вторую через три недели

сбросили на Нагасаки (Richard L. Garwin, Georges Charpak, *“Megawatts + Megatons”*, 2002). Решение о сбросе третьей плутониевой бомбы 17 августа было отменено после капитуляции Японии 15 августа (Jim Baggott, *“Atomic”*, 2009).

Анализ затрат

В исследовании *“Atomic Audit: The Costs and Consequences of U. S. Nuclear Weapons Since 1940”*, опубликованном в 1998 году Институтом Брукингса, есть данные о затратах на проект «Манхэттен» в ценах 1996 года. Из общей стоимости по состоянию на 1945 год, а это 21,6 млрд долл., только 800 млн (3,7 %) пришлось на Лос-Аламос, где примерно 3 тыс. учёных работали над бомбой, ещё 800 млн долл. пошло на исследования и разработки, тогда как 13,6 млрд долл. (63 %) – на заводы по обогащению урана в Ок-Ридже, ещё 4,5 млрд – на объекты в Хэнфорде. Всего на производство материалов для бомбы ушло 83,8 %, а на науку – 7,4 % (остальные 2 млрд на прочие расходы).

В начале мировой войны ядерная наука в Великобритании, Франции и Германия превосходила американскую, но одной научной мощи было недостаточно: нужна была мощь промышленности, где США показали своё первенство. Цифры затрат показывают больше: 63 % затрат ушло на заводы по обогащению урана U-235, которые предоставили материал для создания одной бомбы, а чуть более 20 % – на заводы в Хэнфорде, которые произвели плутоний для создания 3 бомб. Плутониевая бомба стоила в 9 раз меньше урановой. К тому же превосходила её по эффективности.

Ядерный заряд, уничтоживший Хиросиму, содержал 60 кг почти чистого U-235 и имел мощность 12,5 тыс. т тротила, полученного в результате деления всего 0,8 кг урана с КПД 1,3 %. Остальной уран был рассеян в атмосфере вместе с большим количеством радиоактивных продуктов. Бомба, сброшенная на Нагасаки, содержала 6 кг плутония и имела мощность 22 тыс. т тротила, что соответствует делению 1,3 кг плутония с КПД 20 % – по сравнению с 1,3 % у урана (R. L. Garwin, G. Charpak, *op. cit.*).

Именно плутониевый путь получения атомной бомбы в качестве основного и избрали великие державы после второй мировой войны.

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

Guido La Barbera

Новая стратегическая фаза

316 страниц, мягкий переплёт, 4 карты, хронология, библиография, биографический справочник
ISBN 978-5-9905528-2-1

Цена 350 руб.

Канадский уран

Ядерная наука, которая привела к проекту “Манхэттен” и атомным бомбам, сброшенным на Хиросиму и Нагасаки, является частью мировой истории, выходящей за рамки национальных границ. Хотя в коллективном сознании она отождествляется с Соединёнными Штатами и Лос-Аламосской национальной лабораторией, в ней также фигурируют Франция, Великобритания и Канада.

Наши источники

При написании данной статьи мы опирались прежде всего на книгу Бертрана Голдшмидта *“Les rivalités atomiques 1939–1966”*, опубликованную в Париже в 1967 году; его же статью для Канадского ядерного общества *“How it all began in Canada – The role of the French scientists”*; хронологию за авторством Гордона Эдвардса *“Canada’s role in the atomic bomb programs of the USA, UK, France & India”*; книгу физика и историка науки Джима Бэгготта *“Atomic: the first war of physics”* (2009); книгу Стивена Э. Аткинса, *“Historical encyclopedia of atomic energy”* (2000); публикацию Министерства энергетики США *“The Manhattan Project: interactive history”*; наконец, письмо, написанное 22 июня 2020 года премьер-министру Канады Джастину Трюдо японкой Сэцуко Терлоу (в девичестве Накамура; родилась в 1932 году, была последним человеком из переживших ядерную бомбардировку Хиросимы 6 августа 1945-го, Нобелевский лауреат 2017 г.).

Бертран Голдшмидт (1912–2002) – французский химик, был ассистентом Мари Кюри (1867–1934). В мае 1941 года он эмигрировал в США и стал членом Свободной Франции – голлистской военно-политической организации, выступавшей за освобождение страны от немецкой оккупации во время второй мировой войны. Был участником англо-канадской ядерной программы. Вернувшись во Францию в 1946 году, он внёс вклад в развитие французской ядерной программы.

Гордон Эдвардс – канадский учёный и консультант по ядерным вопросам, основал в 1975 году Канадскую коалицию за ядерную ответственность и долгое время работал в качестве консультанта по ядерным вопросам правительственных органов в качестве Генерального аудитора Канады, члена Избранного комитета по вопросам гидроэнергетики провинции Онтарио и Королевской комиссии провинции Онтарио по вопросам планирования электроэнергетики.

Уран Eldorado Mining

Открытие ядерного деления в декабре 1938 года привело к мировой гонке за ураном, в которой участвовала и Канада, поставщик США для проекта “Манхэттен” и военных нужд в течение двух десятилетий после войны. В Великобритании после доклада MAUD в июле 1941 года в рамках правительственного Департамента научных и промышленных исследований была запущена “Tube Alloys” – кодовое название секретной программы исследований и разработок по созданию атомной бомбы. Промышленные затраты, необходимые для обогащения урана, вскоре развеяли иллюзии Великобритании о том, что она сможет создать бомбу самостоятельно, без сотрудни-

чества с США. Непростые переговоры с США о возможном участии в проекте “Манхэттен” привели британское правительство к решению перенести свои ядерные проекты и учёных в Канаду, являющуюся независимым членом Содружества. Так родился англо-канадский ядерный проект, в котором участвовали два ассистента Фредерика Жолио-Кюри (1900–1958): австрийский еврей Ганс Генрих фон Халбан (1908–1964) и физик русского происхождения Лев Коварский (1907–1979) – оба натурализованные французы. О французских патентах на атомную бомбу и ядерный реактор смотрите статью “Предвкушение атомного оружия и электростанций во Франции” (“Пролетарский интернационализм” № 97, октябрь 2022 г.).

Англо-канадский проект базировался в Университете Макгилла в Монреале, провинция Квебек, где Эрнест Резерфорд (1871–1937), один из основоположников ядерной физики и лауреат Нобелевской премии, преподавал экспериментальную физику в период с 1898 по 1907 год. Научное руководство было возложено на фон Халбана, политическое – на канадское и британское правительство.

В 1930 году канадская компания Eldorado Gold Mines, основанная в 1926 году для добычи золота, обнаружила на Большом Медвежьем озере, расположенном в Северо-западных территориях Канады, месторождение серебра и настурана – этот минерал относится к числу основных природных источников урана и радия. Месторождения были ценны главным образом из-за радия, который был открыт супругами Кюри и использовался в медицинских целях и научных исследованиях. В 1933 году в Порт-Хоуп (провинция Онтарио) компанией Eldorado Mining and Refining был построен радиевый завод. Производство прекратилось в 1940 году, когда вторая мировая война закрыла европейские рынки для этого материала. В те годы уран был бесполезным побочным продуктом, прежде чем учёные, открыв деление ядер, не осознали его огромный энергетический потенциал. Научные открытия позволили превратить практически бесполезный элемент в необходимый для военного производства. Eldorado Gold Mines вновь открыла рудник в 1942 году для снабжения армии США.

В июле и декабре того же года были подписаны эксклюзивные контракты с проектом “Манхэттен” сначала на 350 т урановой руды, а затем ещё на 500 т. В середине июля 1943 года канадское правительство тайно купило акции компании, чтобы взять её под свой контроль, а в январе 1944-го национализировало её. Перерабатывающий завод в Порт-Хоуп был единственным в Северной Америке способным перерабатывать урановую руду из Бельгийского Конго, большая часть которой, наряду с канадской, использовалась в производстве атомных бомб для Хиросимы и Нагасаки.

Первая в мире самоподдерживающаяся цепная ядерная реакция, проведённая под руководством Энрико Ферми (1901–1954) в Чикагском университете, использовала в качестве топлива природный канадский уран и в качестве замедлителя чистый графит. Во время второй мировой войны Eldo-

rado Mining Company поставила около 1/6 части урана, использовавшегося в проекте “Манхэттен”.

Квебекский компромисс

В августе 1943 года премьер-министр Канады Маккензи Кинг (1874–1950) принимал президента США Франклина Д. Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля в городе Квебек, где лидеры двух держав подписали секретное соглашение (Квебекское соглашение). К нему присоединилась и Канада, став, таким образом, участницей разработки атомной бомбы.

Квебекское соглашение подтвердило принцип обмена научно-технической информацией между подписавшими его сторонами во всех случаях, когда это необходимо для ведения военных действий, устанавливало правила недублирования промышленных объектов, неприменения атомного оружия против другого подписанта, право вето на применение бомбы против третьих стран, а также регулировало поставки урана. Один из пунктов запрещал передачу информации об атомных разработках третьей державе без согласия Штатов.

Хотя наука и технология создания атомной бомбы зародились у учёных нескольких европейских стран, а затем получили перспективу быть реализованными в Англии благодаря докладу MAUD и запуску “Tube Alloys”, Квебекское соглашение стало победой восходящего империализма США и свидетельством упадка Британской империи, поскольку оно вынудило Великобританию подчиниться правилам, навязанным американцами.

Для реализации Соглашения был создан Комитет по объединённой политике, в состав которого вошли по два американских и британских представителя и Кларенс Декейтер Хау (1886–1960), канадский министр боеприпасов и снабжения. Для поставок урана в 1944 году было создано Объединённое агентство разработок, независимое агентство по поставкам, в управлении которым участвовала Канада. Цель таким образом реализованного соглашения заключалась в том, чтобы предоставить англосаксонским странам даже после окончания войны и поражения Германии монополию на поставки урана из стран мира, исключая СССР. Агентству было поручено закупать весь имеющийся уран и делить его между американцами и англичанами, тем самым избегая конкуренции на внешних рынках.

Первой задачей этого агентства были деликатные переговоры с бельгийским правительством в изгнании, в результате чего в конце 1944 года было заключено соглашение сроком на 10 лет: бельгийское правительство предоставляло американцам и англичанам приоритет на покупку всех урановых ресурсов, добываемых в Конго. При этом бельгийцы имели возможность сохранить разумное количество сырья для научных исследований и своих промышленных нужд.

Электростанция на тяжёлой воде

Помимо поставок урана Канада приняла участие в развитии атомной энергетики, приняв решение весной 1944 года о строительстве экспериментальной электростанции на тяжёлой воде при участии всех сторон Квебекского соглашения.

Хотя строительство этой электростанции не отвечало задачам продолжающейся войны, американцы добились смещения француза фон Халбана, возглавлявшего англо-канадскую программу. На его место был назначен англичанин Джон Кокрофт (1897–1967), будущий лауреат Нобелевской премии. Замысел американцев состоял в том, чтобы отстранить французов от руководства канадскими ядерными исследованиями. Когда в Квебекском соглашении был прописан запрет на передачу информации о ядерных разработках третьим странам, американцы имели в виду не только СССР, но и Францию. Это важный момент для понимания послевоенной ядерной политики Парижа и его решения о создании независимых сил сдерживания. Намерение США состояло в том, чтобы получить и сохранить монополию на атомное оружие. В разгар войны против Германии американский империализм стремился не только победить немцев, но и уменьшить вес Франции и Англии в мировом балансе сил.

Канадская атомная электростанция на тяжёлой воде была построена в сентябре 1945 года. Она стала началом канадской промышленной цепочки, использовавшей природный уран и тяжёлую воду. Она производила плутоний и благодаря передаче научно-технических знаний позволила послевоенным Великобритании и Франции создать бомбу (в январе 1948 года новые договоры отменили Квебекское соглашение). Именно по канадской технологии Индия в 1974 году и Пакистан в 1998 году смогли создать себе атомную бомбу.

Сообщение о бомбардировке Хиросимы поступило в Оттаву незадолго до полудня 6 августа 1945 года. Будучи членом Комитета по объединённой политике, министр Хау ожидал этого. В подготовленном заявлении он сказал: *«Мне доставляет особое удовольствие сообщить, что канадские учёные сыграли важную роль и приняли эффективное участие в этом крупном научном проекте»*. Через три дня, 9 августа, произошла бомбардировка Нагасаки.

Когда 6 августа 1945 года премьер-министру Канады Кингу сообщили о том, что на Хиросиму сброшена атомная бомба, он записал в своём дневнике: *«Теперь понятно, что случилось бы с британской расой, если бы немецкие учёные выиграли гонку [за разработку атомной бомбы]. К счастью, бомба была применена к японцам, а не к белым расам Европы»* (цитата, приведённая в письме Сэцуко Терлоу к Трюдо *“Canada should acknowledge its role in the A bomb”*, а также в газете *New York Times* от 3 января 1976 года).

11 октября 1945 года канадский премьер записал в своём дневнике: *«Как странно, что я оказался в самом центре проблемы: Канада обладает ураном, участвовала в создании бомбы и признана одной из трёх стран, которые хранят большую часть секретов»* (Г. Эдвардс, *op. cit.*).

На бронзовой табличке, прикреплённой к бетонной стене высотой 5 футов на месторождении Eldorado Mining, написано следующее: *«Эта шахта была вновь открыта в 1942 году, чтобы поставлять уран для проекта “Манхэттен” (разработка атомной бомбы)»*.

Британский сдерживающий фактор

Число жертв бомбардировок среди мирного населения во время второй мировой войны было огромным. Так, в Великобритании бомбы и баллистические ракеты “Фау” убили более 60,5 тыс. мирных жителей. По оценкам, в результате британских и американских бомбардировок немецких городов погибли около 570 и 800 тыс. мирных жителей и более 120 городов были превращены в руины.

В Японии число жертв среди гражданского населения в результате обычных бомбардировок союзников составило от 330 до 900 тыс. человек, к которым следует добавить более 100 тыс. человек, погибших от ядерных бомб (Knell H., *“To Destroy a City: Strategic Bombing and its Human Consequences in World War II”*, 2003).

Террор, пришедший с небес

Решение о создании и использовании атомной бомбы является частью военной доктрины по использованию авиации для нанесения ударов по жилым и промышленным районам противника. В этом заключается суть стратегической бомбардировки. Индустриализация ядерной физики привела к тому, что одной бомбой стало возможным уничтожить целый город. Это использование усиленной в тысячи раз авиации в качестве инструмента террора против противника с целью лишить его средств и воли вступить в войну (угроза возмездия) или продолжать её.

До бомбардировок Хиросимы и Нагасаки военный министр США Генри Л. Стимсон (1867–1950) считал, что обладание ядерной бомбой станет «козырем» в руках американских лидеров, который можно будет использовать в качестве рычага давления на другие государства в послевоенном мире. Только после того, как он был потрясён разрушительным эффектом бомб, применённых в Хиросиме (6 августа 1945 г.) и Нагасаки (9 августа 1945 г.), он изменил своё мнение и вместе с госсекретарём Дином Ачесоном (1893–1971) пытался поставить будущее ядерного оружия под международный контроль, но безуспешно (Chase J. *After Hiroshima: Sharing the Atom Bomb // Foreign Affairs*. January – February 1996).

Военное и политическое значение нового оружия сразу же было осознано Клементом Эттли (1883–1967), который стал новым премьер-министром Великобритании после победы лейбористов 26 июля 1945 года, за две недели до бомбардировки Хиросимы. По мнению Эттли, из-за своего разрушительного потенциала новое оружие должно было использоваться в качестве оружия возмездия. В секретной записке, написанной спустя три дня после бомбардировки Хиросимы, он отметил: «Современная концепция ведения войны, к которой мы привыкли на протяжении всей нашей жизни, отныне полностью устарела. До этой войны мы, или по крайней мере некоторые из нас, понимали, что на бомбардировку можно ответить только контратакой. Мы были правы. Берлин и Магдебург были лишь ответом на Лондон и Ковентри. И то, и другое вытекает из Герники. Ответом на ядерную бомбардировку Лондона является ядерная бомбардировка другого крупного города» (Jones M., *“The Official History of the UK Strategic Nuclear Deterrent”*, 2019). Здесь Эттли уже выражает такие концепции, как теория “баланса террора”, «ядерный сдерживающий фактор» и гарантированное взаимное уничтожение (mutually assured destruction, MAD).

Герника – город в Стране Басков в Испании. Во время гражданской войны, в апреле 1937 года, он подвергся бомбардировкам люфтваффе нацистской Германии и итальянских ВВС. Увековеченная картиной Пикассо “Герника”, эта бомбардировка считается первой воздушной

атакой на гражданское население. Число погибших составило 153 человека. Это было лишь началом использования авиации в террористических целях против городов. Совершенствование самолётов и разрушительного потенциала взрывчатых веществ привели к увеличению числа жертв среди гражданского населения, кульминацией чего стала бомбардировка немецкого города Дрездена британскими и американскими ВВС 13–15 февраля 1945 года, в результате которой погибло 30–40 тыс. человек, американская бомбардировка Токио с 200 тыс. погибших и атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, в ходе которых только две бомбы унесли жизни более 100 тыс. человек. Для атаки на Дрезден было использовано более 1 тыс. американских и британских бомбардировщиков и тысячи тонн обычной взрывчатки. Бомба для Хиросимы была сброшена одним бомбардировщиком, весила 4 т и несла около 60 кг обогащённого урана-235. Благодаря своей мощи атомная бомба превратила стратегические бомбардировки в огромную террористическую угрозу по уничтожению противника.

Британская стратегическая неопределённость и атомная бомба

Вторая мировая война привела не только к поражению Германии и Японии, но также ознаменовала конец Британской империи. В своей речи в американской военной академии West Point 5 декабря 1962 года бывший госсекретарь Ачесон сказал: «*Великобритания потеряла империю и пока не нашла для себя роли*» (Oxford University, 2017). Решение Великобритании создать, несмотря на высокие затраты, собственные средства ядерного сдерживания вписывается в эту ситуацию неопределённости.

В интерпретации Альфреда Голдберга, историка ВВС США (*The Atomic Origins of the British Nuclear Deterrent*, 1964), после Хиросимы мировая военная держава должна была обладать ядерной мощью, и, по мнению как консерваторов, так и лейбористов, Соединённое Королевство было и должно оставаться великой державой. Эттли позже сказал, что «мы не могли согласиться с тем, что атомная энергия должна быть только у Америки».

Согласно Маргарет Гоуинг (*“Britain and Atomic Energy 1939–1945”*, 1965), британское военное руководство сформулировало доктрину ядерного сдерживания в начале 1947 года. В военном отношении они считали, что, поскольку защита от нового оружия невозможна, любое потенциальное нападение должно быть сдержано разработкой нового оружия массового уничтожения и демонстрацией явной готовности его применить. Если Великобритания по-прежнему хотела иметь право голоса в мировой политике и не подвергаться военному и политическому шантажу со стороны других держав, она должна была разработать собственную атомную бомбу.

Преимущество британской ядерной политики

Грэм Фармело, физик, научный писатель, сотрудник Кембриджского университета (Кембридж, Англия) и профессор Северо-Восточного университета (Бостон, США), в своей книге 2013 года *“How the United States Overtook Britain in the First Nuclear Arms Race”* описывает процесс принятия решений британской стороной относительно разработки атомной бомбы.

После прихода к власти одной из самых насущных задач для Эттли стало формирование британской ядерной политики с использованием знаний и опыта британских учёных, полученных в ходе участия

в проекте “Манхэттен” и ядерных разработках Канады. Через несколько дней после окончания войны Эттли сформировал Advisory Committee on Atomic Energy, руководителем которого назначил одного из ведущих экспертов в правительстве Уинстона Черчилля по ядерной политике – Джона Андерсона (1882–1958). Он также учредил “GEN 75” – влиятельный комитет, который имел последнее слово в принятии решений по атомной энергии и полностью состоял из членов правительства.

После консультаций со своими коллегами и Черчиллем Эттли написал президенту США Гарри Трумэну (1884–1972) письмо, в котором рекомендовал Великобритании и США работать вместе, чтобы справиться с «совершенно новыми условиями, с которыми сталкивается мир». Это было предложение продолжить ядерное сотрудничество, но вскоре Эттли обнаружил, что Трумэн не считает себя связанным Квебекским соглашением, которое он интерпретировал не как обязательный договор, а как частное соглашение между Черчиллем и Франклином Д. Рузвельтом.

Хотя в прессе Трумэн утверждал, что он сомневается в существовании этого соглашения, на встречах с Эттли он выразил желание «полного и эффективного сотрудничества» между США, Великобританией и Канадой в области атомной энергии. Казалось, что дух Квебекского соглашения сохранился, но тут в своей изоляционистской манере вмешался Конгресс США: депутаты и сенаторы были поражены, услышав, что Квебекское соглашение наложило британское вето на использование американцами атомной бомбы. Для них было невыносимо, чтобы британское правительство могло решать вопросы военной политики США. Поэтому в 1946 году был принят “Atomic Energy Act” (он же “McMahon Act”), который сделал незаконными попытки любого американца поделить информацией по ядерной тематике с другой страной. 1 августа 1946 года Трумэн подписал “McMahon Act”, дав понять, что США намерены сохранить монополию.

Конец Квебекского соглашения

Соединённые Штаты, охваченные идеологией морального превосходства своей политической системы, были полны решимости сохранить и военное превосходство. Эттли пожаловался Трумэну на одобрение последним “McMahon Act”, но не получил ответа. Признав, что ядерное сотрудничество с США прекращено, он считал, что Великобритания должна разработать атомное оружие, если она хочет остаться мировой державой и иметь средство сдерживания против ядерного нападения. Это была та же позиция, что и у консерватора Черчилля.

Принятие “McMahon Act” стало горьким ударом для британских учёных, которые внесли фундаментальный вклад в разработку атомной бомбы, лично работая в лаборатории в Лос-Аламосе. В частности, решающее значение имело открытие нейтрона, за которое Джеймс Чедвик (1891–1974) был удостоен Нобелевской премии. Возмущение британских учёных и министров не было предано огласке: правительство позаботилось о том, чтобы публичного обсуждения ядерной политики не состоялось. За пять лет пребывания Эттли в парламенте не было проведено ни одной дискуссии на эту тему.

Обсуждение проходило в созданном премьер-министром специальном комитете с несколькими его коллегами. Вопрос, который предстояло решить, заключался в том, сможет ли Великобритания построить дорогостоящие газодиффузионные заводы, необходимые для обогащения урана и ускорения про-

изводства плутония, в чём министры экономики сомневались. Решающим фактором стало заявление министра иностранных дел Эрнеста Бевина (1881–1951): следует получить атомную бомбу любой ценой. Незадолго до того Бевин разговаривал с госсекретарём США Джеймсом Бирнсом (1882–1972) и не хотел, чтобы будущий министр иностранных дел Великобритании испытал то же унижение, что и он, когда американцы отказали ему в сотрудничестве.

Решение о создании британских средств ядерного сдерживания было принято 8 января 1947 года, о нём знали только Эттли и четыре министра, которым он доверял. Ни один другой член парламента не знал, что Великобритания собирается создать свою первую ядерную бомбу. Только 12 мая 1948 года правительство объявило, что Великобритания создаёт свою собственную атомную бомбу.

Новость распространилась так быстро, пишет Фармело, что, казалось, большинство депутатов её даже не заметили. Основной вопрос министру обороны Альберту Виктору Александру (1885–1965) задал лейборист Джордж Джегер (1903–1971): «*Может ли министр дать нам дополнительную информацию о разработке ядерного оружия?*». Министр ответил: «*Нет, я не думаю, что это будет отвечать государственным интересам*». Через несколько секунд парламент перешёл к рассмотрению вопроса о качестве мяса, импортируемого из Дании.

Известие о решении правительства создать ядерное оружие было сообщено в прессе настолько сдержанно, что только самые прилежные читатели могли увидеть и оценить его важность. Ещё не было той истерической атмосферы “холодной войны”, которая установилась в Америке с приходом маккартизма после того, как свою первую атомную бомбу в августе 1949 года взорвал СССР.

Безразличие, царившее в ядерном вопросе в первые годы после войны, выглядит гротескным, и это, вероятно, трудно осознать сегодня. Через четыре дня после первого американского испытания на атолле Бикини 1 июля 1946 года французский модельер Луи Реар (1896–1984) раскрыл название своего последнего достижения: купального костюма из двух частей, который только что прошёл крещение в парижском бассейне. Он назвал его “бикини”, взяв из заголовков газет об американском испытании. Согласно словарю Трессани, Реар стремился представить своё творение как взрывной, эффектный и шокирующий купальник. В период с 1946 по 1958 год США взорвали на атолле Бикини 23 ядерных бомбы, в том числе 20 водородных. Среди прочих было испытание водородной бомбы 1 марта 1954 года (“Касл Bravo”). В ходе этого испытания была достигнута разрушительная мощность в 15 мегатонн, что в тысячу раз больше, чем у атомной бомбы, уничтожившей Нагасаки в 1945 году.

В январе 1948 года британское и американское правительства достигли *modus vivendi* в ядерных отношениях двух держав: британское вето на использование США ядерного оружия было снято вместе со снятием американского вето на развитие британской ядерной электрической индустрии и другими клаузулами, выгодными Вашингтону. Фармело пишет, что Квебекское соглашение умерло, а британский парламент даже не был поставлен в известность об этом.

Первая британская плутониевая бомба была взорвана 3 октября 1952 года на островах Монтебелло у северо-западного побережья Австралии.

DuPont: от чулок до атомной бомбы

Промышленное производство нейлона американской химической компанией DuPont стало образцом для производства плутония в рамках проекта “Манхэттен”.

Два проекта “Манхэттен”: обогащённый уран и плутоний

При написании этой статьи использовались следующие источники: Питер Галисон и Брюс Хэлви, “Big Science” (1992), Диана Престон, “Before the fallout” (2005), Пап Ндиайе, “Du nylon et des bombes” (2001), подготовленная министерством энергетики США книга “Hanford Site Historic District” (2003), П. Хьюз, “American Genesis” (1989) и архивы Atomic Heritage Foundation. А также работы Карла Маркса, составляющие фундамент нашего подхода к интерпретации этой проблемы, в частности “Капитал”, “Экономические рукописи 1857–1859 годов” и “Экономическо-философские рукописи” 1844 года.

Проект “Манхэттен” являет собой важный пример процесса индустриализации науки, переноса модели организации производства из промышленного сектора в другой, способом, независимым от материального содержания производства.

Проект по созданию атомной бомбы был не один, а два. Один заключался в отделении изотопа урана (U-235) от изотопа (U-238) посредством обогащения и другой – в производстве плутония из природного урана. Два проекта – две бомбы: на Хиросиму была сброшена та, что с обогащенным ураном, а на Нагасаки та, что с плутонием.

«Программа по созданию атомной бомбы во время Второй мировой войны была настолько секретной, что даже многие из её участников находились в неведении» (Washington Post, 2.11.2019). В течение почти пятидесяти лет история проекта “Манхэттен” и роль Хэнфордского комплекса были практически неизвестны: по причинам национальной безопасности эти учреждения держались в секрете. Всё началось как небольшая исследовательская программа. В начале, по оценкам Роберта Оппенгеймера (1904–1976), научного директора лаборатории в Лос-Аламосе во время второй мировой войны, сотня учёных была допущена к исследованиям, испытаниям и проектной деятельности в Лос-Аламосе. В 1945 году там жили более пяти тысяч учёных, инженеров, техников, а также членов их семей. Многие сотни учёных и техников работали над исследованиями атомного оружия во множестве секретных структур в Соединённых Штатах и Канаде, но организационные усилия были много большими, чем научные.

Для производства расщепляющихся материалов для бомб, обогащённого урана и плутония, были построены гигантские, уникальные в своём роде, заводы. Согласно Министерству энергетики США, по числу занятых работников проект “Манхэттен” был одним из крупнейших предприятий во время войны. В зените своей активности, в июне 1944 года, к проекту было привлечено почти 129 тысяч человек. По мнению датского физика Нильса Бора (1885–1962), производство атомной бомбы было бы невозможным без превращения Соединённых Штатов в гигантскую фабрику. Atomic Heritage Foundation пишет, что Бор увидел подтверждение своим словам, когда национальный проект преобразил США строительством предприятий от побережья

до побережья. За счёт высокой текучки кадров на предприятиях проекта “Манхэттен” число людей, вовлечённых в производство американской атомной бомбы, оценивается в 600 тысяч человек. Строители составляли примерно две трети от этого числа.

От нейлона до металлургической лаборатории

Нейлон стал результатом небольшой элитной программы фундаментальных исследований, начатой в 1927 году главой исследовательского центра DuPont Чарльзом Стайном (1882–1954). Стайн пригласил Уоллеса Хьюма Карозерса и назначил его управлять исследованиями в области полимеров и полимеризации. Так появился новый продукт, нейлон, синтетическое волокно, которое было в состоянии заменить вискозу. Хотя исследование Карозерса и было фундаментальным, оно влекло за собой серьёзные коммерческие последствия. Должность Стайна, который пошёл на повышение в исполнительный комитет DuPont, занял Элмер К. Болтон (1886–1968), который с 1940 года нацелился на коммерциализацию нейлона в качестве товара массового потребления.

Артур Х. Комптон (1892–1962), нобелевский лауреат по физике и президент физического факультета Чикагского университета, ответственный за плутониевый проект, в 1942 году выбрал этот университет в качестве места, в котором должна была быть объединена значительная часть исследований цепных реакций. Этой деятельности, ввиду секретности, было дано название “Металлургическая лаборатория” (Met Lab). Будучи первой структурой, учреждённой специально с целью разработки атомной бомбы, Met Lab некоторое время была наиболее важным научным центром проекта “Манхэттен”. В августе 1942 года химическое отделение лаборатории впервые химически выделило весомый образец плутония. Во время войны в лаборатории работало около 2000 человек.

Чтобы перейти от исследований плутония к его промышленному производству, Комптон попросил главу проекта “Манхэттен” генерал-лейтенанта Лесли Ричарда Гровса (1896–1970) привлечь крупнейшую американскую химическую компанию DuPont.

DuPont у штурвала

В конце октября 1942 года Гровс предложил DuPont взять на себя проектирование, строительство и управление всем проектом по производству плутония. Прежде, чем принять ответственность за новую для себя область – плутоний, компания отправила восемь своих представителей в Чикагский университет, чтобы ознакомиться с исследованиями “Металлургической лаборатории”. Двое из них были тесно связаны с проектом по нейлону: Болтон и Кроуфорд Н. Гринвальт (1902–1993).

К 11 ноября делегация DuPont достигла соглашения с Гровсом, по нему проект передавался химической компании при условии полного контроля над всеми этапами производства. 2 декабря Met Lab под управлением Энрико Ферми (1901–1954) провела первую контролируемую цепную реакцию. 16 декабря DuPont официально взяла на себя проектную деятельность, строительство и управление производством плутония.

Практически сразу вспыхнули конфликты между учёными из Чикаго и DuPont. Физики из “Металлургической лаборатории” боялись лишиться свободы в научных исследованиях, оказываясь под управлением промышленного предприятия и стать сотрудниками подразделения по производству взрывчатки DuPont. Гринвальт предвидел такую реакцию и пытался рассеять страхи физиков, прибегнув к посредничеству уважаемого физика, каким являлся Комптон. Та же история была и в Лос-Аламосе, где посредником между военными и физиками был Оппенгеймер.

Преобразование учёных

При сохранении видимости независимости учёных, в действительности они оказались в подчинении DuPont. При переходе к промышленному производству плутония учёные попали во власть промышленного капитала и военных. В процессе индустриализации науки экспроприруется человеческий капитал учёных, то есть живой труд их умов подчиняется управленческой организации промышленности.

Сопrotивление учёных переходу под руководство DuPont было сломлено силой идеологии, представляющей работу над атомной бомбой борьбой за защиту демократии против фашистской диктатуры и, в частности, против немецкого нацизма. Во время империалистической войны учёные повсеместно потеряли свою иллюзорную независимость и стали рабочими, подчинёнными военным властям своих стран. Это уже произошло в первую мировую войну, положившую конец идее наднациональной общности учёных, идеологии, которая разбилась о реалии войны и была быстро замещена национализмом.

С помощью Комптона Гринвальт получил согласие учёных выполнять то, что он определил как «миссионерскую работу». 28 декабря 1942 года Гринвальт, выступая перед техническим советом лаборатории, сказал, что роль DuPont в том, «чтобы *делать дело*», а не в том, чтобы «*присвоить их мозги [...] и заработать кучу денег на атомной энергии*». Это показало способность DuPont превратить фундаментальные исследования, проводимые учёными, в масштабное производство, как это уже произошло с нейлоном. У DuPont были необходимые для успеха всего предприятия «*инженерные ноу-хау*», которых не было у команды физиков из Чикаго.

Наука – это нематериальная социальная производительная сила, наследие человечества, которая, однако, производит конкретные эффекты, подчинённые господствующему способу производства, в настоящее время капиталистическому. Абстрактный закон $E=mc^2$ (энергия равна массе, помноженной на квадрат скорости света) специальной теории относительности Эйнштейна 1905 года привёл, благодаря промышленности, к реальности атомной бомбы проекта “Манхэттен”. Об этом Маркс писал в 1844 году: «*Практически естествознание посредством промышленности ворвалось в человеческую жизнь, преобразовало её и подготовило человеческую эмансипацию, хотя непосредственно оно вынуждено было довершить обезчеловечение человеческих отношений*»¹ (“Экономическо-философские рукописи”). Перейдя от нейлона к

плутонию, промышленность осуществила обезчеловечение посредством уничтожения Хиросимы и Нагасаки.

Этапы производства

Прежде чем перейти к крупномасштабному производству плутония в Хэнфорде, DuPont построила пилотный завод в Ок-Ридже в Теннесси. Она добилась этого всего через десять месяцев после подписания письма о намерениях с Гровсом.

Фундаментальная наука – это понимание скрытых законов, управляющих природой, а инженерия – это приложение открытий фундаментальной науки к технологии. Областью инженерии является не открытие законов природы, а создание машины или совокупности машин, которые применяют эти законы на практике. Всё это подчинено чётким управленческим процедурам. Капитал, персонифицированный в данном случае DuPont, централизует различные области: научного открытия (знание законов природы), пилотного производства (как эти законы применимы к промышленности), перехода к полномасштабному производству (большие вложения постоянного капитала, оборудования и заводов). Здесь воспроизводится историческое развитие, описанное Марксом в тринадцатой главе первого тома “Капитала”, “Машины и крупная промышленность”.

Это процесс разделения труда, в котором содержатся различные этапы развития: на первом этапе учёные “Металлургической лаборатории” на полуремесленном уровне производят и изучают плутоний; на промежуточном на сцену выходит DuPont с пилотным заводом в Ок-Ридже, где учёные и инженеры проводят эксперименты с целью получить данные для строительства завода бóльших масштабов; и наконец на последнем этапе, в Хэнфорде на реке Колумбия в штате Вашингтон на Тихоокеанском побережье, DuPont производит плутоний промышленно.

Хэнфордский проект стал самым большим проектом военного периода. DuPont с субподрядчиками наняли 60 тысяч сотрудников, от низко- до высококвалифицированных работников, от инженеров до учёных.

Управленцы DuPont видели явное сходство между производством нейлона и плутония. При переходе к промышленному производству нейлона они начали с программы фундаментальных исследований химии полимеров, перешли от нескольких миллиграммов продукта в лаборатории Карозерса до производства двух миллионов килограммов в год на заводе в Сифорде, в Делавэре. В случае с плутонием DuPont перешёл от крохотных количеств, видимых лишь под микроскопом, в “Металлургической лаборатории” к производству количеств, необходимых для производства атомной бомбы.

DuPont применил для производства плутония те же принципы, какие действовали при производстве нейлона. От женских чулок до Хиросимы: таков путь науки как общественной производительной силы, управляемой экономическими, финансовыми, политическими и военными силами империализма.

Lotta comunista, январь 2023 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2. Т. 42. С. 124.